

Александр Долгирев

Лживая весна

Александр Долгирев

Лживая весна

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Долгирев А. С.

Лживая весна / А. С. Долгирев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Германия 33-го года. Жизнь, наконец, устаканилась после Первой мировой войны и экономических потрясений 20-х годов. Молодой и энергичный канцлер обещает скорые перемены. Однако прошлое не отпускает так просто. Оно раз за разом возвращается в жизнь полицейского детектива Хольгера Вюнша, который оказывается вынужден следовать за ним не только в своих ночных кошмарах, но и в новом расследовании. Старое дело из старых недобрых времен теперь снова открыто. Иногда события, погребенные под толстым слоем времени, способны воспрянуть из забвения и кардинально изменить жизнь.

© Долгирев А. С., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Посвящается Марине, без которой ничего бы не получилось.

Мне двадцать семь, и мне некуда идти. Я здесь не потому, что меня ждут, а потому, что ждали другого. Если она мне не поможет – я пропал...

Глава 1

Новая метла

Серое здание мрачного вида выделялось среди окружающих домов. Дело было не столько в размере, сколько в массивности, монументальности его очертаний. Хольгер Вюнш хорошо знал это здание. Он знал, что за входной дверью будет вестибюль, все еще хранивший на себе следы довоенной роскоши. В вестибюле будет работать консьерж Пауль, тоже, будто сошедший со старых открыток. Прямо из вестибюля наверх будет вести широкая гранитная лестница. Поднявшись по ней на второй этаж и пройдя направо мимо трех кабинетов, можно было оказаться перед массивной деревянной дверью. Дальше этой двери мысли Хольгера не распространялись – за ней его ждала работа, и он еще не знал какая.

Поравнявшись с парадным входом, Вюнш бросил взгляд на табличку по правой стороне: она гласила «Главное управление полиции Баварии».

Хольгер докурил папиросу, зашел в здание, перекинулся парой слов с Паулем, поднялся по лестнице и подошел к той самой массивной деревянной двери справа. На этой двери тоже была табличка. «Полицайоберрат¹ криминальной полиции Мюнхена» – гласила она.

Вюнш вошел в приемную шефа и сел на один из двух стоявших друг напротив друга диванов. Кроме него в комнате никого не было, даже секретаря Глаубе. Через пять минут дверь кабинета шефа открылась и оттуда вышла молодая женщина с сосредоточенным лицом. «Лет 25-27, судя по внешности, скорее всего посетитель, хотя и рановато для приема» – автоматически подумал Вюнш. Женщина, вопреки мысли Хольгера, села на стул, который всегда, сколько помнил Вюнш, занимал секретарь Глаубе. Она начала что-то быстро набирать на небольшой печатной машинке, стоявшей на секретарском столе. На Вюнша она не обратила внимания. Не желая и дальше терять время, Хольгер сам обратился к женщине:

– Оберст² Иберсбергер у себя?

Женщина вздрогнула от неожиданности – похоже, она просто не заметила Вюнша. После некоторого замешательства она спросила:

– Да, у себя. А вы записаны на прием?

Хольгер этого не знал, о чем и сообщил секретарше:

– Не знаю. Я – оберкомиссар³ Вюнш. Вышел после лечения, и пришел к господину Иберсбергеру, собственно, за делом. Надеюсь, он не занят?

– Да, простите, я здесь недавно, еще никого не знаю, проходите, конечно. Смущение смягчило линии ее лица и убавило ей пару лет. «Очень милая черта» – подумал про себя Вюнш, а вслух сказал:

– Не извиняйтесь, фройляйн⁴, вы и не могли меня знать, я долго отсутствовал. Фройляйн...?

– Кренц.

– Мне очень приятно, фройляйн Кренц.

¹ Полицайоберрат – Один из высших чинов немецкой полиции, является начальником какого-либо отдела.

² Оберст – здесь сокращенная форма от «Полицайоберратт».

³ Оберкомиссар – средний чин в немецкой полиции. Следователь, руководитель следственной группы.

⁴ Фройляйн – обращение к незамужней женщине. В повседневной жизни, обычно, обращение к любой молодой женщине или девушке.

Хольгер не стал более смущать секретаршу и, получив разрешение войти после стука, нырнул в кабинет шефа.

– Хольгер, как я рад тебя видеть! Как твое плечо?

Иберсбергер был в своем духе: начальник Вюнша был человеком склонным к открытым проявлениям радости и энтузиазма, а проявлял он их по любому поводу. Странная черта для полицейского, тем более из криминальной полиции, однако, не раз и не два именно неистребимый оптимизм помогал, ранее следователю Иберсбергеру довести дело до конца, а сейчас помогает оберсту Иберсбергеру быть уважаемым начальством и любимым подчиненными. Часто людей вводил в заблуждение его характер, однако под широченной улыбкой и весьма объемистым животом скрывался герой Войны, награжденный Железным крестом первого класса за уничтожение английского танка на Сомме, человек глубокого ума, один из лучших аналитиков баварской, а возможно и всей республиканской полиции. Два года назад Иберсбергера назначили исполняющим обязанности начальника криминальной полиции после ухода на пенсию имперского динозавра Галтова, да так и оставили. Оберст был на год старше Вюнша и вполне мог идти еще выше по карьерной лестнице в полиции, особенно если найдет общий язык с новой властью.

– Неплохо, Калле...

Полгода все управление мучилось – как называть старого доброго Карла-Хайнца Иберсбергера, ставшего вдруг начальником, пока сам Иберсбергер не решил этот вопрос в пользу «Калле», правда, так к себе разрешал обращаться только тем, кто помнил его еще следователем.

– ...Плечо побаливает, но врач сказал, что работать смогу, так что вот пришел за делом. А у тебя как дела?

– По-разному... Перед выборами был проклятый ад, нацисты и коммунисты на улицах каждый день сходились, и каждый день оставляли за собой раненых, а то и трупы, но ты это и сам видел. А теперь попробуй какому-нибудь молодчику-штурмовику предъявить обвинение – они теперь власть. Хотя, нужно отдать им должное – после выборов стало по тише, да и сами Штурмовые отряды⁵ помогают порядок поддерживать на улицах.

Как всегда, Калле на вопрос «Как жизнь?» рассказывал о работе.

– Да ты садись, что стоишь, как мебель? Пока не начали о делах, хочу похвастаться. С этими словами оберст достал из глубокого ящика рядом с рабочим столом печатную машинку.

– Кончились ваши и мои мучения, Хольгер! Теперь вся документация – внутренняя и межведомственная, должна быть в печатном виде. Никаких тебе больше рукописных деклараций, и форм для заполнения!

Хольгер присоединился к широченной улыбке Иберсбергера. Сколько Вюнш работал в полиции – всегда наиболее раздражающей и утомительной частью работы было большое количество писанины. Огромное количество форм для заполнения от руки, которые нужно было сдавать еженедельно, а иногда и чаще, вызывало раздражение. На некоторых из этих форм до сих пор стояли старые, еще довоенные гербы.

Для Калле, через которого бумаг проходило намного больше, чем через Хольгера и многие из них требовали именно рукописи, это было дополнительным мучением. Одной из немногих физических отметин, оставленных Войной на Иберсбергере, была травма руки, полученная в 1917-м – на правой руке отсутствовали указательный палец и верхняя фаланга среднего, а оставшиеся пальцы слушались своего хозяина через раз. Он научился работать левой рукой, но при большом количестве письма почерк Калле, и так неловкий, превращался в трудноинтер-

⁵ Штурмовые отряды – нерегулярные военизированные формирования. Выступили «мускулами» национал-социалистов во время прихода к власти.

претируемые каракули, которые приходилось либо править ему, либо расшифровывать остальным.

– Пока еще многие пользуются старыми формами, но я требовал себе у начальства печатную машинку.

– Отличная новость! А то от всей полицейской романтики остались только испачканные чернилами руки.

– Да, отличная... Хорошо, разговоры разговорами, но пора тебе приниматься за работу, и тут у меня для тебя не очень хорошая новость.

Хольгер насторожился. Иберсбергер встал и подошел к небольшой картотеке, стоявшей слева от стола. Он явно заранее отложил дело, поскольку не искал в картотеке, а сразу взял его и вернулся за рабочее место:

– Новое начальство спустило вниз приказ проверить нераскрытые дела. Не все конечно, только громкие или с открывшимися обстоятельствами, и мимо тебя эту чашу не пронести. Все ребята, к своим основным делам получили еще и по такому «висяку». А тут дело такое, что сверху приказали привлечь свободного следователя, и ты, я вижу, уже догадался, кто является этим свободным следователем.

Хольгер взял в руку папку – как и бывает обычно у «висяков», папка была тонкой. «Ладно, возможно, после простоя это и не плохо...» – подумал он.

– Что хоть за дело?

Калле прищурился, а после усмехнулся и вдруг спросил:

– Хольгер, а где ты был в 22-м году?

– Мясо рубил в Киле.

– Своя лавка?

– Нет, помощником мясника.

– Неплохо устроился, платили натурой?

– Ну да, не марками же. Ты же помнишь те времена, Калле... Марки люди вместо бумаги в сортирах использовали. А так гарантированное мясо. Считаю, счастливо жил. А ты где был?

– Только сюда пришел, здесь паек давали и одежду.

– Тоже неплохо...

Оба немного помолчали, погруженные в воспоминания.

Первым из омота памяти вынырнул Хольгер:

– А ты к чему про 22-й год спросил?

– Да просто интересно стало, ничего серьезного.

– Ладно, Калле, проработаю это дело в меру своих сил... Отчетность как обычно?

– Да, раз в неделю. И последнее, Хольгер: у нас новенький, зовут Франц Майер. Молодой парень, но образованный. Такие скоро нас всех под себя подомнут, но опыта нет совсем, поэтому хочу прицепить его к тебе, раз есть возможность проверить его на старом деле.

– А как же Ковач?

Рудольф Ковач был отличным опытным следователем и постоянным напарником Вюнша.

– У Ковача дело с двойным убийством и, судя по всему, он еще не скоро освободится.

– Понятно. Хорошо, я сделаю, что смогу. Можно идти?

– Да, иди и будь аккуратен, дело сложное, есть риск разбередить старые раны. Удачи, Хольгер.

– И тебе, Калле.

Глава 2

Дело № 44518

Выйдя от шефа, Вюнш попрощался с фройляйн Кренц. Она улыбнулась и эта улыбка, как и смущение ранее, сбавили ей несколько лет. Хольгер направился в свой кабинет, ему нужно было ознакомиться с делом. Вюнш был в приподнятом настроении: он снова был на работе, он снова был нужен, он снова был в движении, а не кис дома в одиночестве, слушая музыку да читая.

Бездействие угнетало Хольгера. Еще пока он рос, Ханс Вюнш – берлинский почтовый служащий и Хелена Вюнш (урожденная Мюллер), всю жизнь посвятившая заботе о муже и детях, намучились с третьим из четырех своих детей и единственным мальчиком. Маленький Хольгер мало того, что рос непоседой и сорванцом, был еще и очень упрям в своих делах – если он вбивал себе в голову какую-нибудь идею, то переубедить его становилось почти невозможно. В значительной степени эти черты были свойственны Вюншу и сегодня. Поэтому новое дело, пускай и «висяк», вызывало в нем желание работать и жить, а также прогоняло из его разума, обосновавшуюся там было, хандру.

«Кабинет» был крошечной комнаткой, в которой помешался небольшой письменный стол и, опять же небольшой, шкаф для бумаг. В одном углу была вешалка, в другом – мусорное ведро. Имели место быть также пара стульев: один, массивный и крепкий, для Хольгера, второй для его посетителей. На большее простой детектив рассчитывать не мог, но Вюнш не жаловался. Это и так был самый просторный личный кабинет в его жизни.

Хольгер деловито осмотрел свое рабочее место: проверил, заперт ли шкаф, задвинуты ли ящики стола. На столе было убрано. Как только его отпустили из больницы, Хольгер зашел на работу и, как следует, прибрался в кабинете. Поэтому теперь он мог сразу приступить к новому делу. Перед Вюншем лежала довольно старая, но при этом не растрепанная папка. На папке стояла печать Баварской полиции и пометка из полицейского архива документов, также на ней было написано «Дело № 44518».

Через несколько часов Хольгер закрыл папку и, как следует потянувшись, закурил. Он пытался осмыслить то, что только что прочитал.

«Итак: четвертого апреля 1922-го года на ферме в километре от небольшого поселка Кайфек, который, в свою очередь, находился в семидесяти километрах к северу от Мюнхена, аккуратно между Ингольштадтом и Шробенхаузенем были обнаружены шесть убитых.

Пострадавшими были: Андреас Грубер 1859-го года рождения, местный фермер и хозяин фермы; Цицилия Грубер 1849-го или 1850-го года рождения – его жена; их дочь Виктория Габриель 1887-го года рождения; дети Виктории семилетняя Маргарита и двухлетний Йозеф, а также горничная Мария Баумгартнер 1878-го года рождения».

Все жертвы были убиты либо вечером тридцать первого марта, либо в ночь на первое апреля 1922-го года. Этот вывод был сделан на том основании, что тридцать первого марта около пяти часов дня на ферму была доставлена новая горничная – Мария Баумгартнер, а первого апреля Маргарита Габриель не пришла в школу. С вечера тридцать первого марта и до четвертого апреля Груберов либо Марию Баумгартнер никто не видел. Второго апреля Груберы не пришли в местную церковь на воскресную службу.

Здесь была первая странность, так как в течение трех дней с первого по третье апреля на ферме определенно кто-то был: первого апреля из печной трубы шел дым, который видели соседи. Кроме того, двое из опрошенных соседей утверждали, что видели, как в доме несколько раз зажигался свет. Вечером второго апреля Михаэль Плек – местный столяр, видел возле принадлежащей Груберам кромки леса свет от фонаря. На его оклик фонарь был потушен. В то же время почтальон, каждодневно доставлявший Груберам корреспонденцию, был вынужден бросать ее в окно кухни, так как дверь ему не открывали. За все это время никто не видел домашний скот Груберов или их собаку.

Так же обращали на себя внимание показания продавца с рынка в Шробенхаузене, который утверждал, что тридцать первого марта в разговоре с ним Андреас Грубер упомянул о том,

что накануне ночью слышал странный шум в доме и видел свет фонаря в лесу рядом с фермой, а утром обнаружил следы, ведущие от леса в дом. Далее, согласно показаниям того же торговца, Андреас обыскал дом и участок, обнаружил следы проникновения, но не нашел самого взломщика, не было никаких его следов и в помещениях, кроме того, ничего не пропало.

Тела были обнаружены четвертого апреля в половину пятого дня. Механик Альберт Хофнер приехал в усадьбу к девяти утра, заранее договорившись с Андреасом Грубером о встрече. Он утверждал, что слышал собачий лай, но никого не видел. Дверь Хофнеру, как и почтальону, никто не открыл. Он ждал хозяев до десяти утра, после этого нашел в пристройке двигатель, о починке которого и договорился с Андреасом. Согласно показаниям Хофнера, он ремонтировал двигатель до половины третьего, несколько раз запускал его для пробы, но за все это время не видел в доме признаков жизни.

После этого Хофнер отправился к Лоренцу Шлиттенбауэру. Шлиттенбауэр имел интимную связь с дочерью Груберов Викторией за некоторое время до убийства, и именно он приходился отцом младшему ребенку Виктории Йозефу. Хофнер отчитался Шлиттенбауэру о проделанной работе, сообщив также об отсутствии людей на ферме.

Далее, согласно показаниям Шлиттенбауэра, ему показалось подозрительным, что за весь день в усадьбе не появился никто из хозяев и около четырех часов дня, прихватив с собой четверых человек, он отправился в Хинтеркайфек (так среди местных жителей называлась долина, где находилась ферма). Не увидев никого не на участке, ни около дома, Шлиттенбауэр со своими людьми зашел в незапертый сарай, где, практически прямо у входа, обнаружил тела Андреаса и Цицилии Груберов, Виктории Габриель и ее дочери Маргариты. Далее со слов Шлиттенбауэра описывалось положение тел: они были свалены в кучу у порога двери сарая и частично забросаны сеном. Тела Марии Баумгартнер и двухлетнего Йозефа Грубера были найдены в доме: тело Марии в ее комнате, а Йозефа в коляске в детской.

Согласно протоколу следствия: сообщение об убийстве полиция Мюнхена получила в 18:15 четвертого апреля. Первые полицейские прибыли на ферму в 21:30 того же дня.

Второй странностью было состояние места преступления: несмотря на явно насильственный характер смерти шести человек, в том числе четверых взрослых, в доме не было никаких следов борьбы, взлома или кражи, напротив, царил образцовый порядок. Хольгера изрядно расстроило отсутствие в деле детального акта осмотра места преступления, а так же описи предметов, обнаруженных в доме и сарае. Выводы о состоянии места преступления можно было сделать лишь на основании свидетельских показаний и отчетов следователей.

Важным моментом было то, что в доме были обнаружены сбережения на сумму тысяча восемьсот сорок золотых марок, облигации и шкатулка с золотыми украшениями (акт экспертизы стоимости драгоценностей к делу приложен не был). В детской на кровати был обнаружен раскрытый кошелек, в котором было восемьдесят четыре марки. Однако именно ограбление было первой версией следствия.

Из-за темноты четвертого апреля был проведен лишь поверхностный осмотр. Пятого апреля в шесть утра работа возобновилась.

Шпиц Груберов был найден привязанным в хлеву. Он был жив, но имел следы побоев, кроме того, был обезвожен. Там же – в хлеву – был найден в полном порядке скот Груберов. На полу был рассыпан корм, но навоз, при этом, никто не убирал.

Осмотр нежилых помещений показал, что кто-то действительно жил на ферме в течение некоторого времени после убийства, возможно, еще утром четвертого апреля. На чердаке в северной части дома, прямо над двигателем, который чинил механик Хофнер, были найдены следы кратковременного проживания: примятая солома, объедки и мусор. Пол этого чердака был частично разобран, и в помещение с двигателем свисала веревка. Кусок такой же веревки был найден в подсобном помещении рядом с хлевом. Кроме того, было обнаружено множество следов и кровавых брызг, ведущих из сарая в дом на кухню, затем в спальню горничной, и далее

в детскую комнату. Была обнаружена, также, дорожка следов, ведущая из дома, но терявшаяся в лесу. В заключении было высказано предположение о том, что такие следы могли быть оставлены сапогами армейского образца.

В тот же день, пятого апреля, прибыли два кинолога с собаками. Собаки взяли след подозреваемого, но возле кромки леса потеряли его.

Делом занимался следователь мюнхенской полиции Георг Рейнгрубер. Имени этого Хольгер не знал, судя по всему, этот следователь ушел до 1927-го года (в этом году в Баварию перевелся Вюнш). Уже седьмого апреля по его запросу, с согласия Баварского Управления МВД было опубликовано сообщение о награде в сто тысяч марок за любую информацию об убийстве. Это сообщение о награде было подшито к делу в виде копии запроса Рейнгрубера и, дополнительно, в виде газетной колонки. «А вот опись предметов в доме они составить не удосужились», – не без злорадства подумал Хольгер.

Шестого апреля на ферму из Мюнхена прибыли судебный медэксперт Стефан Баптист Аумюллер и юрист Генрих Ней. В тот же день, прямо на месте, было проведено вскрытие тел. Вюнш нигде в деле не нашел указания на работу дактилоскописта в доме, судя по всему, отпечатки пальцев не снимались.

В отчете об аутопсии были сделаны выводы о том, что: Андреас Грубер получил один сильный удар, полностью рассекший правую половину лица, и ставший причиной смерти. Цицилия Грубер имела семь ран острым тяжелым предметом по правой стороне, приведших к множественным переломам черепа, которые и стали причиной смерти. На черепе Виктории Габриель было найдено девять крестообразных ран, которые стали причиной смерти. Кроме того, правая сторона лица Виктории была разбита тупым предметом, а на шее имелись следы удушения. Дочь Виктории Маргарита пострадала сильнее всех. Череп был разбит несколькими ударами острым тяжелым предметом, возможно, тем же предметом, которым были нанесены травмы Цицилии Грубер. Также на шее Маргариты были обнаружены резаные раны, вызвавшие обильное кровотечение. С правой стороны от носа девочки, на щеке, имелось странное овальное ранение. Предмет, оставивший его, установить не удалось. Подбородок был разбит тупым тяжелым предметом, возможно, тем же предметом, следы от которого были найдены на лице Виктории.

Хольгер отвлекся от размышлений, вдруг осознав, что сжимает свое правое колено так сильно, что оставляет синяки. «Спасибо за дело Калле, удружил! Психа подкинул...» – Вюнш тяжело вздохнул. Хольгер уже имел дело с групповыми убийствами и разного навидался и в окопе, и в полиции, но тот, кто с такой жестокостью убил этих людей был настоящим зверем. Как-бы не хотелось сейчас Вюншу выкинуть эту папку в мусорное ведро и выпить столько пива, сколько потребуется для того, чтобы больше не видеть у себя перед глазами искалеченное тело девочки, нужно было продолжать. Он вновь закурил и прикрыл глаза:

На шее Маргариты остались следы ее пальцев, видимо, она пыталась зажать раны. В правой руке найден вырванный клочок волос, судя по цвету – Виктории. В заключении Аумюллером был сделан вывод, что девочка была жива после нанесения травм в течение некоторого неустановленного периода времени, а непосредственной причиной смерти стала кровопотеря от ран на шее.

Андреас был одет в кальсоны и исподнюю рубашку, Маргарита – в сорочку, Виктория и Цицилия были найдены одетыми в повседневную одежду. Это косвенно подтверждало версию о том, что убийства были совершены вечером или ночью.

Согласно отчету Аумюллера, время смерти жертв найденных в сарае было между одиннадцатью часами вечера тридцать первого марта и пятью часами утра первого апреля, точнее сказать было нельзя из-за того, что тела долгое время пробыли сваленными в кучу, начался процесс разложения, а также из-за недостаточности оборудования, имевшегося в распоряжении Аумюллера.

Аутопсия двух жертв, найденных в доме, показала, что Мария Баумгартнер получила две глубокие крестообразные раны: в правой височной, и в затылочной части тяжелым острым предметом, возможно, тем же, которым были нанесены раны Виктории. Эти раны и стали причиной смерти. Двухлетний Йозеф погиб от двух сильных рубящих ударов в правую височную область головы.

В отчете Аумюллер указывает время смерти между часом ночи и четырьмя часами утра. Однако к отчету прилагалась докладная записка, подписанная Аумюллером и заверенная Неем, в которой судмедэксперт высказывал мнение о том, что Мария и Йозеф были убиты позднее, чем жертвы, обнаруженные в сарае.

В приложении доктор описывал убийцу как физически сильного мужчину среднего роста, левшу. Большого судмедэксперт, исходя из имевшихся у него данных, сказать не смог или, по крайней мере, не был достаточно уверен, чтобы включить в отчет. Так же к делу прилагалась справка, в которой говорилось, что головы были отделены от тел для дальнейших следственных мероприятий, однако больше о них нигде не упоминалось, и их дальнейшая судьба была для Хольгера загадкой.

Далее шли отчеты о ходе следствия за подписью детектива Рейнгрубера. Он прибыл на ферму пятого апреля утром. В первичном осмотре места преступления не участвовал. После вторичного осмотра Рейнгрубер вызвал из Мюнхена кинологов и начал опрашивать соседей.

Груберы характеризовались жителями Кайфека и окрестностей отрицательно – жили изолированно, избегали контактов с соседями, никого к себе не приглашали, несмотря на зажиточность, хозяйство вели сами. Прислуга в доме не задерживалась, рабочих нанимали только в посевной сезон и в сезон сбора урожая.

Андреас Грубер, по словам соседей, был человеком деспотичным и жестким, часто провоцировал конфликты, кроме того, имел половую связь со своей дочерью Викторией. Согласно показаниям Тобиаса Волькенштейна – владельца соседней фермы, он несколько раз наблюдал, как Андреас и Виктория заходили в сарай поздним вечером и выходили лишь под утро. Показания других местных жителей косвенно подтверждали показания Волькенштейна. Сразу несколько опрошенных указывали, что сын, а возможно и дочь Виктории, были от ее отца. Отношение к Цицилии Грубер – жене Андреаса было даже более отрицательным, чем к нему самому. Сама Цицилия характеризовалась как тихая, спокойная женщина, весьма необщительная, отрицательно же воспринималось ее терпимое отношение к инцесту между супругом и дочерью.

Отношение к Виктории было более положительным. Согласно показаниям, она была молчаливой и спокойной, но при этом достаточно активно участвовала в общественной жизни, пела в хоре местной Церкви Святого Венделина и много времени проводила в поселке. Местный священник Михаэль Хаас рассказал о том, что в 1915-м году Виктория призналась ему на исповеди, что отец насилует ее с шестнадцати лет. Святой отец Хаас пошел на нарушение тайны исповеди и в том же 1915-м году Андреаса осудили на год каторжных работ. По предположению отца Хааса, после отбытия каторги кровосмесительные отношения между Андреасом и его дочерью возобновились, однако прямых доказательств этого у него не было.

Виктория была вдовой Карла Габриеля 1888-го года рождения, погибшего на Войне. Однако вместе супруги практически не жили потому, что через несколько недель после свадьбы Габриель уехал в деревню Лааг к родителям. Именно Карл Габриель был записан отцом Маргариты, родившейся в начале 1915-го года.

Мария Баумгартнер пробыла в Кайфеке совсем недолгое время и потому охарактеризовать ее никто не мог.

В тот же день Рейнгрубер взял показания у Лоренца Шлиттенбауэра, бывшего одним из тех, кто обнаружил тела. Он указал, что сожительствовал с Викторией с 1919-го по 1920-й годы, и что именно он был записан отцом Йозефа. Однако, по словам самого Шлиттенбауэра,

он испытывал серьезные сомнения в том, что Йозеф был его сыном. Лоренц рассказал, что симпатизировал Виктории и, несмотря на репутацию Груберов, был готов признать отцовство при том условии, что Виктория выйдет за него замуж, однако Андреас Грубер запретил этот брак. Вскоре Андреас был арестован по подозрению в инцесте, однако, по словам Шлиттенбауэра, Виктория убедила его все же признать отцовство, хотя это и было крайне обременительно для Шлиттенбауэра. Так как Лоренц не был женат на Виктории, он обязан был выплачивать алименты за Йозефа вплоть до его совершеннолетия. В результате обвинения с Андреаса Грубера были сняты. Шлиттенбауэр указал, что ночь с тридцать первого марта на первое апреля провел в сарае на собственной ферме, о чем он предупредил своих домочадцев. Кроме того, Лоренц рассказал, что трогал тела в сарае сразу после обнаружения. По его словам, он хотел проверить, есть ли среди них Йозеф.

Всего за пятое апреля было опрошено тридцать девять человек, правда, из-за большой спешки в первый дни расследования протоколы допросов не велись, и показания были записаны со слов детектива Рейнгрубера и полицеймейстеров⁶ Носке и Рауша, помогавших детективу с опросами. По итогам следственных действий пятого апреля Рейнгрубер составил докладную записку, в которой писал о положении тел, характере повреждений, кратко описывал некоторые свидетельские показания, указал, что поиск с собаками результатов не дал.

По итогам следственных действий им был сделан вывод о том, что преступник или преступники совершили нападение вечером тридцать первого марта или в ночь на первое апреля. После этого в течение некоторого времени (предположительно до третьего апреля) он или они оставались на ферме. В качестве предполагаемого орудия убийства указывалась мотыга, найденная рядом с телами в сарае. Возможными мотивами Рейнгрубер считал ограбление и личную месть, так же он отдельно указывал на возможность совершения преступления серийным убийцей или просто психически больным человеком. По мнению Рейнгрубера, круг подозреваемых был очень широк, в него, помимо безымянных бродяг и бандитов, входили Лоренц Шлиттенбауэр и, даже, Карл Габриель. Также Рейнгрубер предлагал объявить вознаграждение за информацию о преступлении и просил создать следственную группу из четырех-пяти детективов для повышения интенсивности следствия.

В течение следующей недели следственной группой было установлено, что Карл Габриель в составе 13-го резервного пехотного полка был отправлен на фронт восьмого декабря 1914-го года, а уже двенадцатого декабря 1914-го года погиб под Аррасом. В результате прямого попадания в окоп осколочного снаряда погибли три человека, еще четверо получили ранения разной степени тяжести. Погибшие, среди которых был и Карл Габриель, захоронены в братской могиле в тот же день.

Вместе с деньгами на ферме удалось обнаружить документы на право владения участком и домом. Согласно документам, Андреас и Цицилия Грубер владели фермой с апреля 1886-го года. Одиннадцатого марта 1914-го года все права на ферму были переоформлены на Викторию и Карла Габриеля. Усадьба принадлежала на три четверти Виктории и на одну четверть Карлу. В связи с этим примечательным выглядело то обстоятельство, что в качестве домашнего адреса при отправке на фронт Габриель указал дом своих родителей в Лааге. Проверка этого адреса показала, что дом сгорел за два года до убийства, а его последний владелец – Ульрих Габриель (брат Карла) тогда же уехал в неизвестном направлении. Поиски Ульриха Габриеля результатов не дали. После смерти Карла Габриеля его часть собственности в Хинтеркайфеке стала принадлежать их общей с Викторией дочери.

Также было установлено, что никто из Груберов не имел счета в банке, вероятно, все деньги и ценности хранились в доме.

⁶ Полицеймейстер – один из рядовых чинов немецкой полиции. Большинство уличных патрульных по званию именно полицеймейстеры.

Свидетельские показания отца Хааса подтвердились полностью. Андреас Грубер действительно был осужден за кровосмесительные отношения с дочерью на год каторжных работ.

Свидетельские показания Лоренца Шлиттенбауэра подтвердились в большей своей части. Под сомнением оказалось его алиби на время убийства, так как никто не видел его в ночь с тридцать первого марта на первое апреля, однако он действительно сообщил своему сыну и сожительнице, что собирается заночевать в своем сарае. Кроме того, Георг Зигль – один из свидетелей, нашедших тела, указал, что Шлиттенбауэр проявил подозрительное спокойствие во время находки и когда переворачивал тело Андреаса на спину. Однако эти показания не подтверждались другими свидетелями, нашедшими тела вместе с Зиглем и Шлиттенбауэром.

Опрос возможных очевидцев продолжался. Именно в эти дни были взяты показания у Вилли Рора – торговца из Шробенхаузена, которому Андреас Грубер сообщил о странных следах возле своего дома.

Было установлено, что Мария Баумгартнер страдала от физического недуга (колченогости) и часто меняла место работы из-за своей крайне острой реакции на малейшие замечания или шутки об ее болезни.

Педиатр из Шробенхаузена, наблюдавший Йозефа, сообщил, что мальчик часто болел и сильно отставал в развитии.

По подозрению в убийстве были задержаны трое: Харальд Ланге 1895-го года рождения, Доминик Кройц 1881-го года рождения и Готтлиб Мерловиц 1890-го или 1892-го года рождения.

Харальд Ланге родился в Бремене, был путешествующим торговцем. Находился в Кайффеке тридцать первого марта. Согласно показаниям Юргена Хаупшмидта – жителя Кайффека, Ланге спрашивал у местных жителей об усадьбах, находящихся за поселком. На допросе сообщил, что действительно был в этот день в поселке, но в связи с поздним часом (согласно показаниям Ланге, было около половины пятого) решил вернуться в Мюнхен. Убедительного алиби не предоставил, на основании чего был задержан восьмого апреля. Обвинение не предъявлено. Отпущен через два дня в связи с тем, что фрау Штрумбергер сообщила, что ночь с тридцать первого марта на первое апреля Ланге провел у нее. Кроме того, Ланге не соответствовал описанию убийцы, данному судмедэкспертом Аумюллером: Ланге был ростом около метра девяносто, а убийца не превышал среднего роста.

Доминик Кройц из Нюрнберга работал таксистом в Ингольштадте и тридцать первого марта доставил Марию Баумгартнер к усадьбе. Он подтвердил, что был рядом с усадьбой около пяти часов дня тридцать первого марта, сообщил, что помог Марии Баумгартнер выгрузить вещи и донес ее саквояж до входной двери. Внутри дома не был. Ничего подозрительного не заметил. Вернулся в Ингольштадт около восьми часов вечера. Задержан седьмого апреля на основании того, что в таксопарке отмечено возвращение Кройца в десять вечера. В течение всего допроса вел себя нервно. Кроме того, полностью соответствовал описанию Аумюллера: рост Кройца один метр семьдесят два сантиметра, ярко выраженный левша, на следственном эксперименте удерживал пистолет системы Маузер С96 с пристегнутой кобурой-прикладом (без патронов – 1кг 750гр) в вытянутой левой руке в течение около получаса без видимых усилий. Отпущен тем же вечером в связи с тем, что дежуривший тридцать первого марта сотрудник таксопарка сообщил об ошибке в журнале прибытия – вместо 20:00 он по ошибке написал 22:00. Кроме того, время между пятью и десятью часами вечера, не соответствовало времени смерти жертв. Свою нервозность Кройц объяснил тем, что вечером седьмого апреля он должен был выступить на митинге НСДАП⁷ – местной партии, активистом которой он являлся.

⁷ Национал-социалистическая Немецкая рабочая партия (нем. *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei* (NSDAP)); сокр. НСДАП.

Готлиб Мерловиц из Кенигсберга, безработный. Ранее дважды судим: в 1910-м за воровство, осужден на два года, в 1914-м году за подделку документов и уклонение от призыва – на пять лет. Задержан десятого апреля, по заявлению некоего Мартина Крюгера, сообщившего, что в разговоре с ним Мерловиц хвалился тем, что это он совершил массовое убийство в Хинтеркайфеке. На допросе в совершении убийства не признался, сообщил, что ночь с тридцать первого марта по первое апреля провел в обществе Ингерды Хоффман. Алиби полностью подтвердилось. Не отпущен, переквалифицирован по обвинению в нанесении побоев, а также удержании против воли Ингерды Хоффман в период с третьего по пятое апреля.

К двенадцатому апреля единственным реальным подозреваемым оставался Лоренц Шлиттенбауэр. Против него было: отсутствие подтвержденного алиби, явный мотив и свидетельские показания Георга Зигля. За него: тесное сотрудничество со следствием, правдивость при даче показаний, положительная характеристика от соседей и несоответствие антропометрическим данным предполагаемого убийцы (Шлиттенбауэр был правой).

Отчеты за следующие три недели не имели особой ценности. Как и за следующие три месяца. Дело разваливалось. Убийца не взял ничего из вещей, поэтому отследить их перепродажу было нельзя. Не оставил очевидных следов, а те, что оставил давным-давно остыли. Главный подозреваемый был спокоен как слон и явно ничего не боялся. Опросы возможных свидетелей продолжались. Задержания разнообразных бродяг, нищих и отсидевших были продолжены, но все задержанные были от дела еще дальше, чем Ланге, Кройц и Мерловиц.

Убийца вошел, убил шестерых человек как овец на бойне, жил на ферме еще, как минимум, три дня, а после этого просто растаял в воздухе.

Когда в одной из записок Рейнгрубера была высказана мысль о том, что преступник мог быть не левшой, а человеком с одинаково развитыми руками, стало ясно, что дело не раскрыть. Следственная группа распалась еще раньше – к осени 1922-го года.

После этого времени к делу была подшита газетная вырезка от двадцать третьего мая 1923-го года. В ней говорилось о том, что усадьба и все постройки снесены. «Что делает исследование места преступления бессмысленным» – добавил про себя Хольгер. Последними материалами в деле были показания ветеранов, описывавших гибель Карла Габриеля. Они были взяты в период с тринадцатого по семнадцатое марта 1925-го года. После этих показаний в деле была только резолюция полицейюберрата криминальной полиции Мюнхена Галтова о передаче дела в полицейский архив и серый картон внутренней стороны папки.

Чем больше Хольгер вникал в это дело, тем больше уважения он испытывал по отношению к Георгу Рейнгруберу. Детектив продолжил работать, даже когда стало понятно, что это «висяк» и, по-видимому, возвращался к делу несколько раз позднее. Разыскать Рейнгрубера было необходимо, если Вюнш хотел сдвинуться с места. Впрочем, планирование дальнейших действий без Майера было бессмысленным, а его все не было. Хольгер посмотрел на часы – было без пятнадцати минут три.

Глава 3

Разговоры и рассуждения

Не успел Хольгер оторвать взгляд от часов, как в дверь постучали. Вюнш закрыл папку с делом и перевернул ее задней стороной вверх.

– Войдите.

Дверь приоткрылась и в нее просунулась белокурая голова.

– Здравствуйте, вы – оберкомиссар Вюнш?

– Да, это я. А вы, видимо, Франц Майер.

Хольгер скорее утверждал, чем спрашивал. Дверь распахнулась, и взгляду Вюнша предстал молодой парень, одетый в серый пиджак и серые же брюки. Франц Майер был строен

до худобы, имел аккуратные черты лица, длинный прямой нос, выраженные скулы. Светлые, почти белые волосы были тщательно причесаны. «Юный Зигфрид⁸» – подумал Вюнш. Единственным, что отличало внешность Франца от персонажей, изображаемых на пропагандистских плакатах НСДАП, были большие карие глаза за стеклами очков. Голос Майера, в противовес внешности, был низким:

– Можно сесть?

– Да, пожалуйста.

Сев, Франц то и дело бросал оценивающие взгляды на Хольгера и на кабинет. «Нервничает» – догадался Вюнш.

– Оберст Иберсбергер направил меня на расследование дела №44518. Он сказал, что этим делом занимаетесь вы, и что я могу найти вас здесь.

– Как не странно, он не соврал, – Хольгер попытался разрядить обстановку шуткой.

– Как поживает славный город Страсбург?

Вюнш пробовал наугад: выговор однозначно выдавал в Майере эльзасца, а манеры – городского жителя. Страсбург и Мюльхаузен были, по большому счету, единственными крупными городами в Эльзасе. Страсбург был больше, поэтому Хольгер сделал ставку на него. Шанс ошибиться был велик, но, в конце концов, Вюнш ничем не рисковал, а напряжение снять нужно было как можно быстрее.

– Неплохо... А как вы догадались, что я оттуда?

– Вы читали о методе дедукции, Франц?

Майер улыбнулся:

– Ааа, понял, вы по моему акценту догадались!

«Совсем мальчишка» – подумал Хольгер. Франц немного расслабился, и теперь можно было приступить к делам:

– Оберст рассказывал вам что-нибудь об этом деле?

– Да, предупредил, что дело старое и сложное.

– Это верно – дело старое и сложное. Откровенно говоря, для первого дела оно не слишком подходит, впрочем, когда-нибудь вам все равно придется столкнуться с чем-нибудь подобным.

Майер молча кивнул. Недавняя улыбка не оставила следа на его лице – теперь он был серьезен и сосредоточен. Вюнш продолжил:

– Я дело уже изучил и имею определенные соображения. Предлагаю такой план действий: я отдаю вам дело, – Хольгер подвинул папку к Майеру – вы изучаете его и составляете план расследования: найти... проверить... опросить... – в таком духе, а завтра с утра мы встречаемся здесь и сверяем наши записи и соображения.

Майер вновь молча кивнул. «А еще меня молчуном считают» – усмехнулся про себя Хольгер, а вслух спросил:

– Вам выделили рабочий стол?

– Да, на третьем этаже, в пятьдесят шестом кабинете.

– Хорошо. Теперь еще один важный момент: есть ли у вас другие обязанности или вы освобождены только для этого расследования?

– Не знаю. Я здесь неделю только. До того как меня отправили к вам, участвовал в задержании, двух обысках и нескольких допросах. Везде, в основном, молчал и слушал. Будут ли меня привлекать далее к подобной работе, я не знаю.

– Ну, тогда завтра, на утреннем собрании это станет ясно. В общем, задача вам ясна?

Франц снова кивнул, не сказав ни слова.

⁸ Зигфрид – один из главных персонажей «Песни о Нибелунгах» – основного эпического произведения германской культуры.

– Хорошо, тогда не задерживаю вас.

Майер встал и взял со стола папку. Хольгер протянул ему руку. Рукопожатие Франца, вопреки фигуре, оказалось сильным и уверенным.

– До завтра, Франц.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Хольгеру было немного совестно, что он отдал Майеру дело, не введя в курс. Для неопытного человека обстоятельства этого преступления могли стать шоком, но если Франц хочет стать хорошим следователем, ему предстоит научиться справляться с подобными историями.

Все еще пребывая в размышлениях о своем новом коллеге, Вюнш достал из ящика стола потертый журнал в твердом переплете. Такие журналы часто использовались в качестве книг посещений или гроссбухов. Хольгер не записывал туда своих посетителей и не подсчитывал смету – он использовал этот жургал для ведения рабочих записей о расследовании. Когда Вюнш заканчивал дело, он проводил жирную черту под написанным, отмечал результат, дату и переходил на следующую страницу. Хольгеру было необходимо вести записи для себя. Записи, которые не проходили бы через проверку чужим мнением и оставались бы просто его мыслями, выраженными на бумаге. Это составляло дополнительный труд, но помогало систематизировать то, что вертелось у него в голове. За шесть лет работы Хольгера следователем это была третья подобная книга, и она уже была заполнена наполовину.

Вюнш написал на новом развороте «Дело № 44518», ниже подписал для себя: «Массовое убийство в Кайфеке в 1922 году» и сегодняшнюю дату – 15 апреля 1933 года. «Почти ровно одиннадцать лет, странно, что я только сейчас обратил на это внимание» – Хольгера немного раздосадовало то, что он упустил это обстоятельство из виду.

Первое, что нужно было сделать теперь, когда Вюнш непосредственно приступил к делу – это составить примерный план расследования, чтобы отталкиваться от него хотя бы на первых порах.

Итак, первое: нужно разыскать следователя Георга Рейнгрубера и других полицейских, участвовавших в расследовании, в том числе полицмейстеров, первыми прибывших на ферму вечером четвертого апреля. Задача эта представлялась весьма сложной, так как Рейнгрубера могло уже не быть в живых, а даже если он был жив, то вполне мог не помнить деталей расследования.

Не лучше дела обстояли и с другими сотрудниками полиции. В деле указывалось, что первыми на место преступления прибыли полицмейстеры Носке и Рауш из Ингольштадта. Хольгер не знал этих имен, что, впрочем, не было удивительным. Пятого апреля на ферму приехал оберкомиссар Рейнгрубер и еще несколько нижних чинов. Носке и Рауш, очевидно ночевавшие в Кайфеке, поступили в распоряжение Рейнгрубера и помогали ему проводить осмотр усадьбы и опрашивать местных жителей.

В следственную группу входили, помимо Рейнгрубера, комиссары⁹ Юнгер и Хольц, а также оберкомиссары Вебер и Шварценбаум. Дитриха Юнгера и Йозефа Шварценбаума Хольгер знал. Юнгер два года назад перевелся куда-то в Вестфалию – куда точно, Вюнш не помнил. Йозеф Шварценбаум же был заслуженным следователем и оказывал большую помощь Хольгеру в первые годы работы. В 1930-м его проводили на пенсию и, насколько было известно Вюншу, Шварценбаум до сих пор жил в Мюнхене.

Следующим пунктом плана стало нахождение медэксперта Аумюллера, проводившего вскрытие жертв. Сложность этой задачи заключалась в том же, что и в первом пункте. Однако Аумюллер мог запомнить детали, которые по каким-либо причинам не включил в свой отчет, да и его соображения по поводу убийства могли бы быть небезынтересны. Поиски юриста Нея, заверявшего заключение Аумюллера, казались Хольгеру пустой тратой времени и сил. Ней

⁹ Комиссар – средний чин в немецкой полиции. Следователь.

прибыл на ферму вместе с Аумюллером, но в тот же день уехал в Мюнхен, где и подписал через два дня отчет эксперта. Больше он в деле не фигурировал.

Следующее, что следует сделать – это обратиться в Баварское отделение Рейхсархива¹⁰ и найти все, что связано с фермой и Груберами. Если им с Майером повезет, удастся найти фотографии усадьбы и членов семьи. Отсутствие фотокарточек в деле изрядно удивило Хольгера. Он вполне мог понять, что четвертого апреля вечером у Носке и Рауша просто-напросто не было с собой фотоаппаратуры, но то обстоятельство, что в течение всего следствия не делалось фотографий тел и места преступления, вкуче с отсутствием описи предметов, оставляло Вюнша практически в неведении относительно обстановки в доме и на участке. К делу не были подшиты даже схема дома и карта местности. Вюнш мог попытаться восстановить облик фермы и обстановки по словесным описаниям, но этого было решительно недостаточно для создания полной картины. Крайне неудачным обстоятельством явилось и то, что дом был снесен еще десять лет назад. Поэтому тяжелая и, возможно, бесплодная работа в архиве была необходима. «Скорее всего, именно этим на первых порах займется Франц. Вряд ли он будет этому рад...»

Пункт четвертый: посещение Кайфека и того места, где была ферма, а также повторные опросы местных жителей, в первую очередь Лоренца Шлиттенбауэра и священника, имя которого вылетело из головы Хольгера. Вюнш надеялся, что они оба или хотя бы кто-то один из них все еще проживают в поселке, а даже если это было не так, спрашивать об их дальнейшей судьбе нужно было там. Пусть фермы и не было больше, участок все равно имело смысл осмотреть, особенно если работа в архиве ничего не даст.

Хольгер отложил ручку, подумал минуту, глядя в исписанный лист, снова взял ручку и дописал пятый пункт: «Перепроверить судьбу Карла Габриеля – мужа Виктории». Эта задача представлялась Хольгеру наиболее простой. Было лишь два варианта подтвердить либо опровергнуть гибель Габриеля: первый (простой) – подать запрос в Народный союз Германии¹¹. Запрос от полиции должны обработать сравнительно быстро. Второй (более сложный) – взять показания у сослуживцев Габриеля и других свидетелей его смерти. Рейнгрубер уже озабочился этим в 1925-м году, поэтому к этому варианту Вюнш прибегать не планировал, кроме как в случае открытия новых обстоятельств, ставящих гибель Карла Габриеля под сомнение.

У Хольгера было еще несколько идей, но он пока не был готов включить их в план действий. Внимательно перечитав написанное, Вюнш обнаружил, что его план в значительной степени повторяет расследование следственной группы Рейнгрубера. Это было не удивительно. Тогда, в 1922-м году, группа провела тщательную работу, исследовала все видимые возможности, но потерпела неудачу. Теперь к факторам, которые затрудняли следствие, добавилось еще и неумолимое время, стирающее любые следы. У Хольгера были серьезные сомнения в успехе этого расследования, но он не собирался опускать руки раньше времени: «Делай, что должен...»

Вюнш устало потер глаза. Он и не заметил, как сгустились сумерки, и уже некоторое время работал впотьмах. На часах было почти ровно шесть.

Глава 4

Вечер

¹⁰ Рейхсархив (рус. Государственный архив). Немецкий государственный архив – центральный архив документов в Германии в 1919-1945 годах.

¹¹ Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями – немецкая гуманитарная общественная организация, которая была создана в 1919-м году. Задачей Народного союза является забота о захоронениях немецких солдат за пределами Германии, а также сбор данных о немецких воинских захоронениях за рубежом.

В голове Хольгера поселилась боль. Усталость, работа при плохом освещении и весенняя лихорадка погоды сложились в отвратительную какофонию в его черепе. Сам Вюнш старался убедить себя, что дело в голоде, ведь последний раз он ел с утра. Хольгер убрал книгу обратно в ящик и оделся. Перед выходом он обернулся на свой кабинет. В нем все было так же как утром. Вюншу нравилось оставлять кабинет прибранным, эта привычка позволяла ему избежать замусоривания и захламления места, где он проводил значительную часть своей жизни.

Спускаясь по лестнице, Хольгер в очередной уже раз удивился тому, какие изящные черты интерьера и детали оформления имело внутри здание, столь серое и мрачное снаружи. Вюнш подошел к стойке, за которой сидел Пауль, чтобы расписаться в книге посещений. Пауль, как это часто бывало, начинал задремывать к концу своей смены. Скоро на этот пост придет Вилли Штрунц – полная противоположность сухонького и благообразного Пауля. Перекинувшись парой фраз со встретившимися коллегами, Хольгер вышел на промозглую улицу.

В десяти минутах ходьбы от Управления находилось совершенно обаятельное заведение, где Вюнша уже ждали кружка темного пива и свиные ребрышки с вареным картофелем.

Он подошел к красивому зданию в национальном баварском стиле. На старомодной вывеске над дверями было изображено ружье, под которым располагалось название: «У охотника». Пройдя через двойные двери, Хольгер попал в освещенный, просторный зал.

– Добрый вечер, господин Вюнш. Как ваши дела? Вам сегодня как обычно?

– Добрый вечер, господин Харрер. Бывает лучше, бывает хуже... Нет, сегодня я буду свиные ребрышки – я в прошлый раз в них просто влюбился! И, господин Харрер, не могли бы вы дать мне таблетку аспирина?

– Хорошо, господин Вюнш. Ваш любимый столик свободен.

– Спасибо, господин Харрер.

Как всегда, господин Харрер, каким-то одному ему известным способом, определял приближение постоянных клиентов и шел встречать их к входу в свою пивную.

Харрер действительно раньше был охотником. Высоченный, немного нескладный шваб стрелял себе дичь и не о чем не волновался. В Войну служил в егерских войсках в Восточной Пруссии, но уже в августе 14-го года под Танненбергом русский казак перебил ему ногу саблей. Ногу спасти удалось, но из-за сильной хромоты Харрера комиссовали. Хромой Харрер попытался вернуться к своему ремеслу, да только в лес далеко с больной ногой не уйдешь. Поэтому он перебрался в Мюнхен и успел скопленные от продажи шкур деньги вложить в покупку пивной до того, как на банкнотах начали словами прописывать миллиардные номиналы¹². Через несколько лет Харрер женился на офицерской вдове. С тех пор о его охотничьем прошлом напоминало только ружье над барной стойкой.

Впрочем, пусть Харрер и был владельцем пивной, дела вела его жена – фрау¹³ Марта. Вюнша здесь особенно привечали после того, как три года назад он, по просьбе фрау Марты, немного потолковал с одним бухгалтеришкой, которому Харрер доверился еще при покупке пивной. Тот захотел наложить лапу на часть доходов и предъявил Харреру документы, якобы подписанные им, по которым этому бухгалтеришке отходила половина прав на пивную. Разговор, в ходе которого Хольгер рассказал незадачливому мошеннику, что подделка документов является серьезным преступлением, наказанием за которое может быть даже нечто худшее, чем просто тюремное заключение, убедил того, что лучше уползти обратно в свою нору.

Была и еще одна причина, по которой Вюнш приходил сюда ужинать едва ли не каждый день: здесь никогда не было политических митингов и разборок. Близость полицейского

¹² Во время гиперинфляции в 1919-1923-м годах в Германии на банкнотах достоинством свыше одного миллиарда марок номинал обозначали не в цифрах, а прописью. Например: «десять миллиардов марок».

¹³ Фрау – обращение к замужней женщине. В повседневной жизни, обычно, обращение к любой женщине средних лет и старше.

управления отпугивала даже национал-социалистов, которые уже многие мюнхенские пивные превратили в трибуны для своих митингов и съездов.

Помимо всего прочего, здесь было отличное пиво и великолепная кухня, что не могло не радовать неженатого Хольгера.

Любимое место Вюнша находилось справа от входа, в углу между окном и стеной. Хольгер просил и Харрера, и фрау Марту не держать для него столик специально, но они, судя по всему, все равно это делали, потому что он не мог вспомнить случая, чтобы вечером этот столик был занят.

В зале было мало посетителей. Люди еще только начинали подтягиваться с работы, но скоро пивная должна была заполниться. Хольгер любил порой откинуться на спинку стула и посматривать на людей в зале и за окном. Когда он пребывал в подобном настроении, то мог сидеть часами и понемногу напиваться.

Харрер принес стакан воды и таблетку аспирина на отдельном блюде.

– Спасибо большое.

– Тяжелый день, господин Вюнш?

– Не без этого. – Вюнш выпил таблетку и выдавил из себя улыбку.

– Тогда, может, кружечку светлого до ужина, господин Вюнш?

– Я сопротивлялся изо всех сил, но вы убедили меня, господин Харрер. Несите вашу кружечку.

И кружка светлого, и отменные ребрышки, и последовавшая за ними кружка темного вернули Вюншу хорошее самочувствие и настроение. Он на время выкинул из головы дело №44518 и просто наслаждался жизнью. В такие моменты легкого опьянения и сытости весь мир казался Хольгеру гигантским куском янтаря, в который он вглядывается, рассматривая каждую трещинку, каждую ямку и бугорок и все они по-своему прекрасны, и – абсолютно точно – неповторимы. За окном шел дождь. «Когда я пойду домой, мне будет мокро, холодно и противно... зато сейчас мне здесь тепло, сухо и очень красиво...»

Хольгер выдернул себя из умиротворенного созерцания и посмотрел на часы – было восемь. Пора было собираться домой. Как бы не было здорово сидеть в «Охотнике» и пить пиво, завтра ему нужно было быть со свежей головой и с острым восприятием.

Хольгер бросил еще один взгляд в окно и вдруг увидел идущую под дождем девушку. Она была одета в теплое пальто, но с непокрытой головой, однако казалось, совсем не замечала дождя. Каштановые волосы совсем промокли, но девушку больше беспокоили листы бумаги, которые она пыталась защитить от воды. Листы выглядели размокшими, а попытки девушки безуспешными. На ее левой руке была красная повязка с изображением заключенной в белый круг черной свастики.

Вюнш узнал эту девушку – это была фройляйн Кренц, новый секретарь Иберсбергера. Теперь, под дождем, он не дал бы ей больше девятнадцати лет. Она не посмотрела в окно, за которым сидел Хольгер. Девушка стремительным шагом прошла вдоль фасада пивной и вскоре скрылась в дождевом мороке, оставив лишь странное ощущение в душе Вюнша.

Вскоре и сам Хольгер оказался под дождем. Он жил в сорока минутах ходьбы от работы и в полчасе от пивной. Несмотря на близость дома, за время пути Вюнш изрядно вымок. Зонтов он не любил, а пальто и фетровая шляпа с сильным дождем порой не справлялись.

Жил Хольгер в двухкомнатной квартире на первом этаже отдельно стоящего старинного дома. Первое время в Мюнхене Вюнш ютился у своего бывшего сослуживца – Детмара Эрлиха. Для трехкомнатного дома в пригороде семь душ были слишком тяжелым испытанием и как только у Хольгера появились деньги, он снял себе квартиру в городе, недалеко от работы. Домовладельца Вюнш видел раз в неделю по субботам, когда тот руководил уборкой квартир. Плата была высокой, но зато не нужно было ездить на работу каждый день на автомобиле.

Немного отдышавшись после прогулки под дождем и переодевшись, Хольгер включил радиоприемник, стоявший в гостиной – зазвучал романтический мотивчик, слишком приторный на вкус Вюнша. После этого он сел на скрипучий диван и, вытянув ноги на пуфик, принялся читать вечернюю газету. Дождь стучал по окнам, а в газете нельзя было разобрать ни слова. «Все, больше ни одной строчки сегодня!» – пообещал себе Вюнш. Завтрашний день сменит сегодняшней чуть менее чем через три часа, но Хольгер не собирался ждать этой перемены.

Расслабленная песенка о юноше и цветке, росшем на горе, закончилась, и зазвучали аккорды, которые Вюнш узнал бы всегда. Его полусонное сознание уносилось этой музыкой по реке, наполненной воспоминаниями. После открывающего проигрыша зазвучали сильные мужские голоса:

*Deutschland, Deutschland über alles,¹⁴
über alles in der Welt,
wenn es stets zu Schutz und Trutze
brüderlich zusammenhält...¹⁵*

Перед внутренним взором Хольгера предстали уходящие из Берлина на запад эшелоны. Стояло лето, люди были одеты легко, у всех были флажки, все улыбались, женщины махали белоснежными платками. Они все смотрели на молодых мужчин, садившихся в поезда, и Хольгеру чудилось, что все они смотрят прямо на него. И вдруг где-то на перроне – он точно не видел где – заиграл настоящий оркестр и люди начали петь. Они пели о том, что Германия превыше всего и Хольгер тоже пел, и по его лицу текли слезы. Ему было девятнадцать, он очень мало знал о смерти и совсем ничего о жизни. А люди протягивали им через окна маленькие имперские флажки, какие-то свертки, открытки и цветы. Поезд тронулся, и фигуры людей слились друг с другом в черно-бело-красную полосу. Песня звучала вслед поезду, который увозил Хольгера и его полк в ад.

*Von der Maas bis an die Memel,
von der Etsch bis an den Belt,
Deutschland, Deutschland über alles,
über alles in der Welt!..¹⁶*

Четыре года страха, боли и смерти, сплавившихся в шлак. На пряжках ремней было написано: «С нами Бог», но Хольгер сомневался, что Богу было дело до Западного фронта.

К декабрю 14-го из его взвода на передовой остались восемь человек, а к следующему декабрю он перестал считать погибших, раненых, отравленных и пропавших. Боль от гибели товарищей нарастала, пока не становилась невыносимой, а после внезапно исчезала, оставляя зияющую, невосполнимую пустоту на месте сердца и души. Вскоре у них остались лишь холодный разум и инстинкты.

Хольгеру казалось, что во всей имперской армии он был единственным, кто ни разу не был серьезно ранен. Еще в 14-м в Бельгии толстая деревянная щепка оцарапала ему щеку. Пройди она чуть правее – и пробила бы его глупую голову насквозь, а так, просто оставила

¹⁴ Песнь немцев. Одна из наиболее популярных патриотических песен Германии. Написана в 1841-м году. Гимн Германии с 1922-го года. В современной ФРГ государственным гимном является третья строфа Песни немцев. Ниже построчный перевод.

¹⁵ Германия, Германия превыше всего, Превыше всего в мире, Если она для защиты и отпора Всегда братски держится вместе...

¹⁶ От Мааса до Мемеля, От Эца до Бельта. Германия, Германия превыше всего, Превыше всего в мире!..

на левой щеке тонкий, длинный шрам. Фельдфебель¹⁷ Краузе мощным рывком оторвал Хольгера, готового обделаться от страха, от земли, встряхнул как следует, чтобы привести в себя и, мельком осмотрев царапину, проорал:

– Стоять, Счастливчик!

Хольгер хорошо запомнил этот момент. Через три дня очень похожая щепка воткнулась фельдфебелю Краузе точно в висок, убив его на месте. До конца Войны он будет в госпитале в качестве пациента еще только раз – в 16-м году на переформировании в тылу, с вросшим ногтем.

*Deutsche Frauen, deutsche Treue,
deutscher Wein und deutscher Sang
sollen in der Welt behalten
ihren alten schönen Klang,...*¹⁸

Фронт исполинским зверем дернулся в последний раз в предсмертной агонии и рассыпался. Не было больше Германской империи, и имперской армии. Сколько радости было в поездах из Франции и Польши возвращавших солдат домой. Люди набивались в вагоны, ехали на крышах, свисали из окон – что угодно, лишь бы убраться с проклятой Войны.

Когда они вернулись, нигде не пели про то, что Германия превыше всего. Почти ничего не пели. Красные стреляли в фрайкор¹⁹, фрайкор вел себя в немецких городах как армия вторжения, а в Прибалтике замерзали, вцепившись зубами в землю, последние верные Германии войска, не желая признавать гибель Империи.

Тогда Хольгера, закончившего Войну с Железным крестом, и занесло ветром зимних дорог в Киль. Там ему довелось много общаться с моряками, которые пустили Флот открытого моря²⁰ на дно, но не сдали его англичанам. Слушая их рассказы, он жалел, что не оказался там в тот момент, чтобы уйти на дно вместе с последними осколками молодости. Вспомнилось Хольгеру и молочно-белое лицо Клары Мариенхофф и две недели между их первой встречей и ее смертью от испанского гриппа.

*uns zu edler Tat begeistern
unser ganzes Leben lang. —
Deutsche Frauen, deutsche Treue,
deutscher Wein und deutscher Sang!...*²¹

Ад Войны сменился чистилищем мира. Хольгер не был с красными, потому что они называли его милитаристом и убийцей. Не был он и с фрайкором, потому что они постоянно говорили об Империи, кайзере Вильгельме, реванше и возрождении старого мира. Вюнш хорошо помнил, что именно Империя швырнула его поколение в топку Войны, а открытку с портретом Вильгельма он достал из нагрудного кармана в тот самый момент, когда узнал, что кайзер предал народ, страну и армию, которым клялся в верности и бросил их на произвол истории.

¹⁷ Фельдфебель – младший офицерский чин в немецкой армии, примерно соответствует нашему старшему сержанту

¹⁸ *Немецкие женщины, немецкая верность, Немецкое вино и немецкие песни - Да сохраняют они по всему миру Свое старое доброе имя,...*

¹⁹ Фрайкор – нерегулярные военные формирования, существовавшие в Германии на протяжении полутора веков с конца XVIII века. После Первой мировой войны комплектовались в основном демобилизованными солдатами и офицерами.

²⁰ Флот открытого моря – основные силы немецкого надводного ВМФ, которые в течение всей Войны были блокированы английским флотом. Большинство кораблей Флота открытого моря было пушено ко дну своими командами, чтобы избежать передачи кораблей англичанам.

²¹ *Да будут они вдохновлять нас к благородству! Всю жизнь нашу напролёт. Немецкие женщины, немецкая верность, Немецкое вино и немецкие песни!...*

Но в Прибалтику Хольгер отправлял все крохи, которые не уходили у него на выживание. В 20-м году даже отправился туда добровольцем, но не успел – Балтийский ландесвер²² сдался – ветряные мельницы одержали победу.

После этого жизнь стала бесконечной чередой сражений за существование. Где-то весной 1921-го года Хольгер нашел первую после демобилизации постоянную работу. К этому времени Железный крест и потерянная военная форма прочно стали показателями профнепригодности для, непонятно на чем разжиревших за годы Войны, фабричных магнатов. Однако Хольгеру удалось устроиться помощником мясника. Господин Шулленберг принял Вюнша на тяжелую и низкооплачиваемую работу, когда у Хольгера в кошельке лежала последняя бумажка.

Потом, когда деньги, выпущенные в начале месяца, к его концу не стоили и бумаги, на которой были напечатаны, и валялись на улицах, Хольгер имел хотя бы постоянный паек, причем мясной, и крышу над головой. «Ух... проклятая халупа» – содрогнулся он при воспоминании о той дыре. Так и прожил Вюнш до 1924-го года, пока Рурские шахтеры боролись с французской оккупацией, Капп пытался захватить Берлин, а нацисты шли на пулеметы в Мюнхене.

*Einigkeit und Recht und Freiheit
für das deutsche Vaterland!
Danach lasst uns alle streben
brüderlich mit Herz und Hand!...*²³

А в 24-м Хольгеру повезло. Неожиданно и очень сильно, прямо как на фронте. Он встретил на улице гауптмана²⁴ Цорна. Когда гауптман, получивший у солдат за длинную шею и общий облик прозвище «Гусь», обратился к Вюншу, тот даже не сразу его узнал.

После Войны Цорн, как и многие, оказался на перепутье, но ему помогло то, что его брат работал в полиции в Касселе. «Во времена беспорядка, люди, поддерживающие порядок, в большой цене» – так объяснил Цорн Хольгеру свое решение стать полицейским. К 24-му году гауптман в отставке Цорн, дорос до звания оберкомиссара полиции Шлезвига-Гольштейна. «А ты хочешь снова послужить Германии, Счастливчик?» – спросил Цорн в дрянной пивной рядом с тогдашней берлогой Вюнша в тот же вечер. Хольгер очень хотел.

*Einigkeit und Recht und Freiheit
sind des Glückes Unterpfand;
blüh im Glanze dieses Glückes,
blühe, deutsches Vaterland!*²⁵

Через три года упорной работы он сдал экзамены на комиссара и ушел с улиц. Сразу же после этого Хольгер перебрался из ветреного, прибрежного Киля в более теплую Баварию, в Мюнхен.

Последние шесть лет сливались у Вюнша в одно целое. Тяжелая, местами отвратительная работа, которая, наконец-то, достойно оплачивалась и давала ему то, чего он никогда во взрослой жизни не имел – благополучие. Были и свои трудности, например: полтора месяца назад преступник при задержании ударил Вюнша ножом в левое плечо, скорее всего, целил в сердце – не попал. Хольгеру пришлось долго потом объяснять перепуганному Ковачу и врачам,

²² Балтийский ландесвер – вооруженные формирования, созданные на основе нескольких полков бывшей Имперской армии, на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Сражались за создание немецкого государства на территории компактного проживания немцев в Прибалтике.

²³ *Единство и право и свобода. Для немецкой Отчизны! Давайте все стремиться к этому. Братски, сердцем и рукой!...*

²⁴ Гауптман – офицерское звание в немецкой армии, примерно эквивалентно нашему капитану.

²⁵ *Единство и право и свобода — Это счастья залог. Процветай в блеске этого счастья, процветай, немецкая Отчизна!*

почему он смеется и никак не может перестать – Вюнш получил первое серьезное ранение в своей жизни.

«Песнь немцев» закончилась, а в голове Хольгера все крутилась последняя строчка «...*blühe, deutsches Vaterland*».

- Проклятый хитрец Калле! «А где ты был в 22-м году?» Вот поэтому он и начальник: один вопрос и теперь я голову себе разобью, лишь бы раскрыть это дело!

Из радиоприемника заиграла «Песня Хорста Весселя», написанная погибшим несколько лет назад штурмовиком, но Вюнш уже ее не слышал – он провалился в глубокий сон без сновидений.

Глава 5

Несколько первых шагов

Следующим утром Хольгер вошел в здание Управления, когда стрелки его часов показывали без пятнадцати минут восемь. Сегодня ему нужно было быть на общем брифинге, где Калле расскажет следователям криминальной полиции о происшествиях, новых делах и распределит их среди детективов. Но прежде чем отправиться на брифинг, Вюншу нужно было провести одну важную беседу.

– Пауль, а вы же здесь давно работаете...

– Так точно, с 1912-го года, оберкомиссар Вюнш.

Хольгер был изрядно удивлен этому обстоятельству. Он знал, что Пауль был такой же важной частью этого здания, как несущие стены и переборки, поддерживающие крышу, но не думал, что речь идет о столь давних временах. Впрочем, это было ему на руку.

– Тогда, вы, должно быть, помните следователя по имени Рейнгрубер?

– Конечно, помню, оберкомиссар Вюнш.

– Я сейчас работаю с одним делом и мне очень нужен господин Рейнгрубер для... консультации по этому делу. Вы не знаете, где я могу его найти?

– Всего с одним... – будто про себя протянул Пауль. – Простите, но где господин Рейнгрубер сейчас – я не знаю. Он ушел на пенсию в 26-м году ровно за год до вашего прихода, и больше я его не видел. Но, говоря откровенно, я бы не стал рассчитывать на консультацию господина Рейнгрубера, даже если вам удастся его найти.

– Отчего же, Пауль?

– Дело в том, что господин Рейнгрубер – как бы сказать? – ушел не в лучшей форме.

– Вы имеете в виду возраст?

Слышать, что возраст может быть оправданием для ухода на пенсию от Пауля, было не просто странно, а по-настоящему нелепо.

– Нет, господин Вюнш. Просто последние пару лет своей работы господин Рейнгрубер все время был возбужден и, как будто, не интересовался ничем, что происходило вокруг. Мне кажется, это и стало одной из причин его ухода.

Говоря эти слова, Пауль приблизился прямо к Хольгеру так, будто их кто-то мог услышать.

– Что же, очень жаль, но спасибо вам за помощь, Пауль. Позвольте воспользоваться вашей памятью еще раз: я хотел бы переговорить с детективами Вебером и Хольцом, может быть, вы и этих господ вспомните?

Пауль бросил быстрый взгляд на лицо Вюнша, будто подозревая того в чем-то, а после ответил:

– Господин Хольц проработал недолго. По-моему, около года, со второй половины 1921-го до конца 22-го года. Я слышал, что он вступил в НСДАП, но ничего конкретного сказать не могу. А вот господин Вебер работал в убой... простите, в криминальной полиции долго, еще

до Войны пришел, потому что уже работал здесь при моем появлении. Правда, переговорить с ним у вас не получится потому, что он умер в 1925-м году, зимой, кажется...

Хольгер чертыхнулся про себя. Все складывалось по худшему сценарию: Рейнгрубер ушел из-за нервных проблем, и, если и жив, то может оказаться не в состоянии помочь, Хольц непонятно где, как и Юнгер, а Вебер умер. Вся надежда теперь была на Йозефа Шварценбаума...

– А вы расследуете то ужасное убийство на ферме? Как же она называлась? Кайфек... кайфек... Хинтеркайфек! Верно?

Пауль выдернул Вюнша из размышлений своим вопросом.

– Нет, Пауль, что вы? На допросе подозреваемый в ограблении назвал их имена.

– Аааа, понятно! Ну, тогда надеюсь, что смог помочь вам в расследовании, господин Вюнш.

Хольгер ни на йоту не верил, что Пауль проглотил историю о подозреваемом в ограблении.

– Да, конечно, спасибо вам, Пауль. Удачного вам дня!

– И вам, оберкомиссар Вюнш.

«Вот он Пауль: умный, хитрый, по косвенным вопросам вспомнил дело одиннадцатилетней давности» – Хольгер всегда догадывался, что под личиной рассеянного старичка скрывается человек большой наблюдательности и умственных способностей, собственно, именно поэтому Вюнш и завел с Паулем этот разговор. Мысленно он ему аплодировал.

Хольгер быстрым шагом поднялся по лестнице, буквально чувствуя внимательный взгляд Пауля на своей спине. «Итак, теперь брифинг».

Брифинг обыкновенно происходил в большой аудитории на третьем этаже. Все следователи криминальной полиции не занимали и половины мест в этом просторном помещении и при Галтове брифинги проходили в более скромной комнате, располагавшейся дальше по коридору. Однако, одним из первых решений Карла-Хайнца Иберсбергера после «прихода к власти», еще когда он был только исполняющим обязанности, было перенесение брифингов и совещаний в эту, зимой очень плохо протапливаемую, аудиторию.

До начала совещания было еще десять минут, и Хольгер с удовольствием пообщался с коллегами. Были вопросы относительно ранения, но не очень много. И на этом фронте Вюнш считался счастливым. Только за те шесть лет, что Хольгер проработал в Баварии, погибли двое его коллег, еще один ушел на пенсию инвалидом, а счет огнестрельных, колотых, резаных и прочих ран шел на десятки, и лишь у Хольгера – судьбе назло – ничего.

После того злополучного ранения серьезно переживал Рудольф Ковач, который вбил себе в голову, что был виноват в том, что не предугадал действий сумасшедшего, бросившегося с ножом на двух вооруженных полицейских. Однако несколько пивных вечеров вернули гармонию в сработанный тандем – Вюнш и Руди Ковач работали вместе уже два года.

Больше всего разговоров, как, наверное, и во всей Германии, было про Ван дер Люббе²⁶ – тот то ли сдал тех трех болгар, то ли, наоборот, брал всю вину в поджоге Рейхстага на себя. «Ага, полуслепой... Забрался в Рейхстаг и поджег его с помощью своего же пиджака» – версия о том, что Ван дер Люббе был один, не находила поддержки у многих. Не проясняло ситуацию и то, что с этим делом сразу очень плотно работали новые власти. Первыми задержали Ван дер Люббе штурмовики, допросы проводил лично Геринг, а газеты строили воздушные замки.

Майер тоже был здесь. Хольгер поздоровался с ним, но не стал спрашивать про дело.

В комнату вошел Калле. Все разговоры сразу стихли. Несмотря на то, что отношения оберста со многими опытными полицейскими могли показаться панибратскими, субординация в рабочих моментах была абсолютной. Даже Галтов – настоящий имперский чиновник, к концу

²⁶ Маринус Ван дер Люббе – обвинялся в поджоге здания Рейхстага, который привел к передаче рейхсканцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий. Осужден и казнен. Амнистирован в 2008 году.

своего руководства начал позволять некоторые вольности, вроде опоздания на совещание на пару минут или курения. Настоящий солдат – Иберсбергер прекрасно понимал, что он по-прежнему на поле боя, а значит, несмотря на дружеские отношения со многими своими подчиненными, приказы должны исполняться беспрекословно. Калле встал за кафедру, на которой было неизвестной рукой написано белой краской число 713, и начал свою ежедневную речь:

– Доброе утро, господа. Сегодняшняя ночь оставила нам шесть трупов и двенадцать ограблений. Помимо этого, поданы два заявления о призывах к государственному перевороту – это по той директиве, которую ввели после поджога Рейхстага. Могу вас поздравить: дела об антигосударственной деятельности у нас скоро заберут. Власти создают какой-то новый орган – в проекте называется «тайная государственная полиция», сокращенно «ГЕСТАПО»²⁷, однако, когда мы сможем передать им все эти дела против коммунистов – сказать не могу, пока работайте...

«Двадцать новых заявлений за ночь – Мюнхен, ты ли это!» – столь малое количество происшествий было весьма удивительно для Вюнша.

После этого началось распределение новых дел и указания относительно сроков расследования нынешних.

– ... Майер, поможешь Рольфу. Ночью задержали австрийца. С той стороны обвиняется в убийстве. Нужно провести допрос. После того, как закончите, освобождаешься от всех дел и переходишь к работе над делом № 44518.

Хольгер вновь был удивлен – на «висяк» 1922-го года бросили не одного, а сразу двух освобожденных следователей, правда, один из них был салагой. «Скорее всего, Калле спустили сверху приказ освободить для этого дела двоих, и он просто решает эту задачу с наименьшими потерями...»

– ... Вюнш, работаешь над № 44518. Ты – главный следователь по этому делу. Отчеты мне на стол каждую пятницу.

«Это я уже слышал...»

После брифинга Вюнш подошел к Майеру и успел ему сказать, чтобы тот после допроса искал его в кабинете.

Спустившись в свой кабинет, Хольгер вновь раскрыл объемистую записную книгу и записал на полях мелким шрифтом: «мощная поддержка сверху – кто?». Кто мог сразу двух следователей отправить расследовать дело, которое уже давно мертвым грузом лежало в архиве? Кто имел для этого достаточно сил и, самое главное, зачем тот, кто эти силы все же имел, тратил их на расследование убийства в Хинтеркайфехе? Ответа на эти вопросы Вюнш не имел.

После этого Хольгер переписал свой план следствия на отдельный лист бумаги (возможно, план придется отдать Майеру), а кроме того, Вюнш не хотел выносить свою книгу для записей лишний раз из Управления, а общаться с Францем, возможно, придется вне пределов этого здания. Теперь, наконец, можно было начинать работать.

Отдел кадров Баварской полиции располагался на первом этаже здания Управления по левой стороне от главной лестницы. От центрального входа небольшую дверь со стеклянной вставкой – одну из немногих таких во всем Управлении – было почти не видно. Насколько знал Вюнш, в отделе кадров служили всего четыре или пять чиновников. Подойдя к двери, он через стекло увидел, что в просторном, но темном помещении был лишь один человек. Вюнш постучал и, дождавшись утвердительного кивка, вошел в комнату. Целью Хольгера в отделе кадров был архив сотрудников полиции, который охватывал период с прошлого века и до сегодняшнего дня.

– Здравствуйте, я оберкомиссар Вюнш из криминальной полиции.

Хольгер показал свои документы.

²⁷ Тайная государственная полиция (нем. **GE**heime **STA**ats**PO**lizei).

– Мне нужна информация о некоторых полицейских, служивших здесь ранее. Вы можете мне помочь?

Немного растрепанный человек в очках посмотрел на Вюнша, будто не понимая значения сказанных им слов. Через пару секунд взгляд прояснился и он сказал:

– Да, пожалуй, могу. Присаживайтесь, оберкомиссар Вюнш. Кто конкретно вам нужен?

– В середине 20-х годов в криминальной полиции работал детектив Георг Рейнгрубер. Насколько я знаю, он ушел в 26-м году по возрасту.

На заваленном листами, папками и записками столе чиновник, судя по табличке – его звали Ханс-Георг Либуда – нашел какой-то обрывок и начал записывать. Хольгер продолжил:

– Так же меня интересуют господа Юнгер, Хольц и Вебер. Они тоже ранее работали в криминальной полиции. Дитрих Юнгер перевелся в 31-м году. Имен господ Хольца и Вебера я не знаю. Все, что мне известно – это, что господин Хольц проработал недолго в 21-м – 22-м годах, а господин Вебер работал в Баварской полиции еще до Войны и умер в 25-м году. Кроме того, в начале 1920-х годов Баварская полиция сотрудничала с судебным медицинским экспертом Стефаном Баптистом Аумюллером – меня интересует его адрес, если это возможно. И еще – тогда же в Ингольштадте служили двое полицмейстеров, Носке и Рауш, их личные дела тоже были бы очень полезны.

Адрес Йозефа Шварценбаума Вюнш знал и так.

– Хорошо. Однако по какой причине вы запрашиваете информацию об этих людях?

– Расследование преступления.

– Номер дела?

– 44518.

«Видимо, так просто доступ к архиву отдела кадров мне не предоставят» — Хольгер ожидал такого поворота. Либуда подошел к большому стеллажу, заставленному толстенными книгами. Взяв одну из них, он вернулся за стол.

– Хорошо, оберкомиссар Вюнш. Распишитесь здесь.

Вюнш взял у чиновника перьевую ручку и расписался в указанной колонке. После этого свою подпись оставил Либуда. Закрыв книгу, он отнес ее обратно на стеллаж и, обернувшись к Хольгеру, сказал:

– Вам придется подождать некоторое время.

После этого чиновник подошел к небольшой дверце, которую Вюнш заметил далеко не сразу как вошел, и скрылся за ней.

«Проверка на качество работы отдела кадров – если архив в порядке, то поиск займет немного времени, нужно будет лишь пройти по алфавиту, а вот если дела не сортируются, то у господина Либуды будет тяжелый день». Информация о полицейских должна была найтись обязательно, в том числе и о Носке с Раушем, а вот об Аумюллере могло ничего и не быть.

Шли минуты. Хольгер не знал, куда себя деть и от скуки стучал пальцами по столу, пытаясь наиграть «Лунную» сонату Бетховена – получалось не убедительно. Минут через двадцать дверца отворилась, и Либуда вошел, держа в руках стопку папок.

– Поработать с ними в моем рабочем кабинете вы, конечно, не разрешите?

– Сожалею, оберкомиссар Вюнш, но таков порядок.

– Понимаю. А место вы можете мне выделить?

Либуда показал Хольгеру на чистый стол без таблички. «Скорее всего, специально для таких случаев» – предположил Вюнш.

– Хорошо, я схожу за своей записной книгой и минут через пять вернусь.

Хольгер вновь зашел в свой кабинет, забрал книгу и набросал записку Майеру о том, что его можно найти в отделе кадров. Работа с личными делами могла занять много времени, а Хольгер не хотел разминуться с Францем. Вюнш запер кабинет. Подсунул записку между дверью и косяком, мимоходом глянув на часы. Была половина одиннадцатого.

Глава 6

Старые полицейские

Хольгер вернулся в отдел кадров, кивнул Либуде и сел за свободный стол. Для начала он осмотрел все, что передал ему чиновник. Шесть личных дел – как и рассчитывал Хольгер, дела Рейнгрубера, Юнгера, Хольца, Вебера, Носке и Рауша лежали перед ним. Помимо этого Либуда передал толстенную папку, надпись на которой гласила: «Привлеченные к расследованию сторонние специалисты. 1920-1930 годы». «Очевидно, здесь нужно искать Аумюллера» – сделал вывод Вюнш.

Хольгер открыл личное дело Георга Рейнгрубера. С фотокарточки на него смотрел седой мужчина с массивной головой, густыми бровями и суровым лицом, которое даже пенсне не делало мягче. «Георг Клаус Рейнгрубер. Год рождения – 1866.» – прочитал Вюнш под фотокарточкой.

Из дела следовало, что Георг Рейнгрубер закончил Дрезденский университет по специальности «право» в 1893-м году. Работал детективом по экономическим преступлениям в полиции Саксонии в 1897-1905-м годах. После этого перешел в криминальную полицию Саксонии, где служил до 1916-го года. С 16-го по 26-й служил в Баварии детективом криминальной полиции в звании оберкомиссара. Женат. С 1926-го года на пенсии.

Рейнгрубер был хорошим следователем – имел много поощрений от начальства и в Саксонии, и в Баварии, медали по выслуге, но до руководящих постов не дорос. В краткой характеристике были выделены такие черты оберкомиссара Рейнгрубера как: работоспособность, исполнительность, твердость характера, личная смелость, а также вспыльчивость и самоуверенность. В целом характеристика была положительной.

В медицинском листе внимание Хольгера привлекли пометки об огнестрельных ранениях в 1907-м и 1918-м годах.

В дисциплинарном листе было три записи: первая, от семнадцатого мая 1899-го года, гласила о том, что комиссар Рейнгрубер нанес телесные повреждения подозреваемому Себастьяну Трешу, за что подвергнут общественному порицанию, однако об удержании зарплаты или понижении в звании ничего не было. Видимо, дело замяли.

Две других записи относились к 24-му и 26-му годам. В 1924-м Рейнгрубер во время допроса набросился на подозреваемого с кулаками. После этого он был отстранен от дел на месяц с удержанием зарплаты. В 1926-м году Рейнгрубер установил слежку за неким Клаусом Дремmlером. Дремmlер не фигурировал в деле, которым тогда занимался Рейнгрубер, кроме того, не было получено разрешение полицайоберрата Галтова на слежку. Рейнгрубера отстранили и завели на него дело о превышении полномочий, но вскоре дело было закрыто.

Через месяц после этого инцидента Георг Рейнгрубер подал в отставку. На ноябрь 1926-го года проживал по адресу: Перманедерштрассе, дом шестнадцать.

Вюнш закрыл папку и откинулся на спинку стула. «Отличный полицейский. Его уважали сослуживцы, любило начальство. Убийство в Хинтеркайфеке, судя по его личному делу, не стало заметной отметиной в его судьбе».

Единственное, что бросало тень на репутацию Георга Рейнгрубера, это странные дисциплинарные проблемы в последние годы службы. Если ситуация с избиванием подозреваемого не была такой уж редкостью – срывались порой даже самые выдержанные и опытные полицейские, то превышение полномочий, да еще и в отношении человека, не проходящего по делу – это вполне могло закончиться увольнением, а то и сроком. По-видимому, историю не стали раздувать и отправили Рейнгрубера на пенсию.

Но главным в личном деле Рейнгрубера для Хольгера было указание адреса бывшего следователя. Теперь, пускай этот адрес и мог быть весьма устаревшим, у Вюнша хотя бы было с чего начинать поиски.

Хольгер хотел было закурить, но наткнулся на предупреждающий взгляд Либуды и засунул пачку папирос обратно в карман. Многие в последнее время отрицательно относились к курению в помещении. Судя по всему, источником этой моды был Адольф Гитлер – лидер НСДАП и новый государственный канцлер, который, по слухам, не терпел запаха дыма и боролся с табакокурением в своем окружении.

Хольгер успел протянуть руку к делу Мартина Вебера, когда в дверь постучали. Через стекло Вюнш увидел Франца Майера. Либуда разрешил тому войти.

– Господин Либуда, это мой коллега Франц Майер, он работает над тем же делом. Разрешите ему присоединиться к моим изысканиям?

– Да, оберкомиссар Вюнш. Только попрошу вас отметить, господин Майер.

Пока Либуда и Франц занимались бюрократическими процедурами, Хольгер задал мучивший его уже больше часа вопрос:

– Господин Либуда, а где ваши коллеги?

– Из Рейхсархива пришел запрос. В их умные головы кто-то вложил идею составить родословные граждан. Какая-то новая программа национал-социалистической партии. Пока только у нас в Баварии этим занимаются. Да вот только людей в Баварском отделении архива столько нет, чтобы подобные объемы документов быстро обработать, поэтому запрашивают кадровиков и архивных работников со всех государственных учреждений от библиотек до отдела кадров Полицейского управления. Ума не приложу – зачем это надо? И ведь приказ идет по линии МВД, а не от самого архива, так что не отвертись. Поэтому, пока эта история не закончится, работаем в отделе кадров посменно.

Хольгер кивнул в знак понимания проблем чиновника и обратился к подошедшему Майеру:

– Подключайтесь, Франц. У меня здесь личные дела полицейских, участвовавших в расследовании. Рейнгрубера я уже отсмотрел. Берите дело и обращайтесь внимание на странности. Особое внимание адресам. У вас есть на чем писать?

Майер утвердительно кивнул и достал из внутреннего кармана пиджака небольшую записную книжку.

– Хорошо, тогда приступайте.

«Итак...» – вновь концентрируясь на работе, проговорил про себя Хольгер – «...Мартин Вебер 1863-го года рождения. Место рождения: Нюрнберг».

С Вебером было проще всего. Как и говорил Пауль, Мартин Вебер работал в криминальной полиции Баварии с 1895-го года по 1923-й. Высшего образования не имел, прошел курсы подготовки на комиссара после пяти лет службы в нижних чинах в 1890-1895-м годах здесь же, в Мюнхене. Был заслуженным полицейским, характеризовался положительно.

Умер в ноябре 25-го года в Мюнхене. Копия свидетельства о смерти была подшита к медицинскому листу. Причина смерти – остановка сердца. К тому моменту он уже больше двух лет был на пенсии. Досадно, что в данном случае память Пауля не подвела. Мартин Вебер был тупиком для Вюнша.

Следующим на очереди был Дитрих Юнгер. Хольгер знал Дитера²⁸ лично.

Юнгер был неплохим полицейским, но недостаточно хладнокровным и уравновешенным, на взгляд Вюнша. Дитер был вспыльчив и порой не мог контролировать свой гнев, а это для человека, каждый день сталкивающегося с отбросами жизни, было крайне неудобной чертой.

²⁸ Дитер – сокращенная форма имени Дитрих.

Зато он был смелым – когда Хольгер пришел в 1927-м году, по Управлению все еще ходили легенды о том, как Юнгер в одиночку задержал двух и застрелил еще одного головореза из банды, на счету которой было восемь убийств.

Тем не менее, тяжелый характер приводил Дитера к постоянным проблемам в работе и конфликтам с коллегами. В итоге он попросил о переводе.

На фотокарточке Хольгер вновь увидел начавшие забываться черты: широкий лоб, аккуратно причесанные черные волосы, длинное лицо, тонкие усики, за которые Юнгеру дали прозвище «Итальянец» (он, почему-то, очень обижался).

Дитрих Александр Юнгер 1895-го года рождения. Уроженец Дортмунда. Награжден: Железным крестом 2-го класса в 14-м году и 1-го класса в 1915-м. Комиссован в начале 16-го года после контузии. «Никому ведь не рассказывал об этом» – вдруг подумал Хольгер. Он не был близким другом Юнгера, но общался с ним довольно свободно, и Дитер ни разу за все время их знакомства не рассказывал о своем участии в Войне и Железный крест никогда не носил. Контузия вполне могла объяснить вспышки ярости Юнгера, если бы он удосужился хоть кому-нибудь о ней сказать.

В полиции Дитер работал с 1917-го года, в 19-м получил звание комиссара. В 1931-м году перевелся в Восточную Пруссию в Кенигсберг. «А мне почему-то запомнилось, что в Вестфалию...» В деле значилось, что Юнгер был женат, но о его жене Вюнш тоже ничего не знал.

Когда Хольгер открыл следующую страницу, он закрипел зубами так сильно, что Франц услышал это, отвлекся от работы и, не сказав ни слова, пристально посмотрел на него.

– Бывший коллега умер, а я и не знал... – выдавил Хольгер из себя объяснение.

Франц вернулся к работе, к счастью, не став задавать вопросы, а Вюнш еще некоторое время смотрел перед собой, прежде чем вернулся к личному делу Юнгера.

К делу была подшита копия наградного листа, в котором говорилось, что двадцать пятого августа 1931-го года комиссар Дитрих Юнгер погиб при исполнении служебных обязанностей. Как потом прочитает в копии заключения о смерти Хольгер – смерть наступила после попадания в тело пяти пуль типа 7,63×25мм Маузер. Два попадания были смертельными.

Далее было что-то по поводу повышенного пенсионера для его вдовы, но Вюнш в этот момент думал о том, что никто в Управлении, за возможным исключением Калле, не знает о смерти Юнгера. Хольгер тут же одернул себя и продолжил работать. Так или иначе, Дитер Юнгер тоже был тупиком.

Майер тем временем отложил дело Ганса Носке и принялся за Вольфрама Хольца. Вюнш подвинул к себе личное дело Иоахима Рауша.

Рауш имел широкое крестьянское лицо. Короткие светлые волосы и маленькие глаза дополняли образ типичного зажиточного фермера средних лет. Рауш родился в 1888-м году в Хинтерлофаге-на-Дилле в Гессене: – «значит, действительно из крестьян».

Служил на Восточном фронте в войсках снабжения, имел поощрительные грамоты, боевых наград не имел. С 18-го года и до сего дня служил полицмейстером в Ингольштадте. «Накопец-то, хоть в чем-то повезло». Характеризовался хорошо: исполнительный, трудолюбивый, надежный. Судя по всему, Рауш занимал свое место и выше лезть не собирался, так как за годы работы не получил повышения даже до обермейстера²⁹. Ранений при исполнении не получал, награждался по выслуге лет.

К этому моменту Йозеф Шварценбаум и Иоахим Рауш были единственными живыми людьми, связанными с делом, местоположение и статус которых были точно установлены.

²⁹ Обермейстер – один из нижних чинов в немецкой полиции. Выше полицмейстера, но ниже комиссара. Обермейстерами обычно являются командиры специальных групп, начальники участков и постов полиции.

Теперь необходимо было найти Аумюллера. Отдел кадров Полицейского управления не вел отдельных дел на привлеченных к расследованию консультантов, однако держал информацию о них на типовых карточках. На такой карте указывалось имя, адрес на момент привлечения к расследованию, род деятельности и номера дел, в расследовании которых участвовал данный консультант. «И на том спасибо» – подумал Хольгер, он изрядно опасался, что данные о привлеченных специалистах просто-напросто не хранятся.

Карточки, вопреки надписи на папке, были рассортированы не по годам, а по алфавиту. Вскоре Вюнш извлек из папки карточку Стефана Аумюллера.

Аумюллер имел частную практику в Мюнхене и привлекался в качестве судебного медицинского эксперта к расследованию четырех дел, в том числе и дела № 44518. Хольгера беспокоило то, что в последний раз Аумюллера привлекали к расследованию полиции еще в 26-м году. Адрес, оставленный им, давно мог устареть. Тем не менее, посетить Принц-Людвигштрассе дом три, где в 1926-м году проживал доктор Аумюллер, имело смысл.

У Вюнша затекла спина и ужасно хотелось курить. Результаты были весьма противоречивы, их нужно было обдумать и обсудить с Майером, а Дитер Юнгер еще явится Хольгеру в ночных кошмарах. Но сейчас Вюншу было на это все равно – все, что ему хотелось, это выйти на воздух, закурить, прогуляться к «Охотнику» и выпить кружку пива, а уже после этого думать о дальнейших действиях. Он сложил свои записи, сдал дела господину Либуде и, сказав Францу, что будет ждать его у главного входа, покинул отдел кадров.

Глава 7

Идеи Майера

– Вы не голодны, Франц?

– Нет, оберкомиссар Вюнш, но я бы не отказался от чашки кофе.

– Хорошо, тогда предлагаю обсудить наши дела в «Охотнике». Это отличная пивная здесь неподалеку и кофе там тоже подают.

Хольгеру внезапно смертельно надоели кабинеты, аудитории и коридоры родного ведомства, поэтому отнеся записную книгу в кабинет, он снова вернулся на улицу. На предложение посетить пивную Майер ответил кивком, по обыкновению ничего не сказав. Дорога до заведения Харрера прошла в полном молчании. Вюнш был углублен в мысли о судьбах полицейских, расследовавших дело № 44518, Майер же просто был немногословен по характеру.

– Как ваш задержанный австриец? – спросил Хольгер, когда за его любимый столик, который, разумеется, был свободен, принесли кружку светлого пива и кофе, заказанный Майером. Франц, очевидно решив, что Вюнш проверяет его, решил выдать целый отчет:

– Зовут – Одило Голо... нет, Глобочник. 1904-го года рождения. Гражданин Австрии. Задержан по запросу Австрийской полиции. Австрийцы подозревают его в убийстве ювелира в Вене. Утверждает, что невиновен и преследование австрийскими властями вызвано его политической позицией. Член НСДАП. По собственным словам, сторонник объединения Германии и Австрии...

– Очень хорошо, Франц.

Получилось немного более резко, чем хотел Хольгер, но австриец его волновал лишь в смысле поддержания разговора. Подробная биография господина Глобочника его не интересовала. Франц, казалось, все воспринимал как какой-то экзамен, а то, что строгий учитель прервал его ответ, нисколько не задело Майера.

– Вы ознакомились с нашим делом, Франц?

– Да, ознакомился и составил план, о котором вы просили.

Майер полез во внутренний карман. «Очень хорошо, кадет Майер, за свой ответ вы получаете твердую единицу!³⁰». – Такое отношение Франца к работе пора было заканчивать:

– Нет, не доставайте. Этот план для вас. Лучше расскажите свои соображения по поводу этого дела.

Франц отхлебнул кофе, снял очки и, очевидно, собравшись с мыслями, начал:

– Убийца почти наверняка был один. Среднего роста, левша, физически сильный – это мы знаем из характера травм. Возможно военный или демобилизованный. Есть основания предполагать, что преступник лично знал кого-то из жертв. Мне кажется, в дом он попал с их ведома, или, по крайней мере, не случайно.

Преступление не было следствием вспышки гнева. Он планомерно заманивал жертв одну за другой в сарай, где наносил им однотипные удары. Бросается в глаза, что девочка и Виктория Габриель убиты с особой жестокостью, особенно девочка – это обстоятельство кажется мне очень важным, но я не могу сделать каких-либо конкретных выводов – слишком мало информации.

Скорее всего, девочка зашла в сарай последней или вместе с Викторией. Убийца не добил ее – она умерла от кровопотери. Возможно, он нанес девочке травмы и сразу после этого отправился в дом. В сарай он больше не возвращался, по крайней мере, в ночь убийства. Судя по всему, домработница и младенец в планы преступника не входили, и он не знал, что они будут в доме.

Возможно, убийца был истощен и нуждался в крыше над головой. Это идет вразрез с описанием преступника как человека физически сильного, но я не могу по-другому объяснить его пребывание в доме в течение еще трех дней после убийства.

Я думаю, что больше он не убивал и, если его не поймали по горячим следам, найти его сейчас будет очень трудно. Меня очень смутило отсутствие в деле фотографий дома и участка. Это может стать весьма значительной проблемой, особенно учитывая, что дом давно снесен. Не были сняты отпечатки пальцев – это странно и, опять же, является для нас серьезной проблемой.

В общем-то, это все. Вы уже нашли дела полицейских, работавших над делом и, значит, следующим шагом мне видится опрос тех из них, кого удастся найти. Далее – вполне возможно, что фотографии, если они все же были сделаны, хранятся в одном из архивов, правда, я плохо разбираюсь в формах организации архивов в Германии и не особенно представляю, с чего начинать.

Мне кажется, также, что имеет смысл перепроверить судьбу мужа Виктории, потому что если он вдруг не погиб в 1914-ом, то именно он становится нашим главным подозреваемым.

Кроме того, возможно, стоит привлечь к расследованию психиатра.

– Зачем?

Последнее предложение удивило Вюнша.

– Но ведь вероятность того, что преступник – душевнобольной человек, нельзя исключать, да и в целом... Консультация у психиатра поможет нам определить некоторые черты личности убийцы.

Идея была новой для Хольгера, но весьма неплохой. «Надо будет выбить у Калле разрешение на привлечение психиатра консультантом по делу» – отметил для себя Вюнш.

В целом аналитическая работа юного Майера произвела на Хольгера хорошее впечатление. Иберсбергер не зря выдал парню щедрый аванс.

– Где вы учились, Франц?

³⁰ В Германии в образовании система выставления оценок в образовательных учреждениях имеет обратную зависимость, т. е. высшей оценкой является единица, а низшей – шестерка (в ВУЗах – пятерка).

У Вюнша больше не было сомнений, что Майер имел высшее образование, причем в области права.

– В Сорбонне, праву.

«Ничего себе! Да этот парень мог идти с таким образованием куда пожелает, а не только простым мюнхенским детективом. Кто же ты такой Франц Майер?» – подумал Хольгер, бросив на Майера внимательный взгляд. Тот, тем временем, невозмутимо пил кофе.

– Что же – хорошая работа, Франц. Идея с психиатром мне нравится, и я подам оберсту Иберсбергеру запрос на привлечение такого человека в качестве консультанта. Может быть, у вас есть кто-нибудь конкретный на примете, к кому можно обратиться?

– Нет, к сожалению, в Мюнхене нет.

– Ладно, тогда можно обратиться в одну из психиатрических лечебниц или к практикующему психоаналитику – в газетах наверняка есть много объявлений.

Франц молча кивнул, а Хольгер перевел разговор к результатам работы в отделе кадров:

– Я просмотрел дела Рейнгрубера, Рауша, Вебера и Юнгера. Двое последних мертвы. Рейнгрубер на пенсии с 26-го и, возможно, еще жив. В последние годы работы у него были определенные дисциплинарные проблемы, которые, скорее всего, и привели к его отставке. В 26-м году он жил на Перманедерштрассе, шестнадцать. Этот адрес нужно будет проверить. Рауш до сих пор работает в полиции и живет в Ингольштадте. К нему тоже придется съездить. Кроме того, я нашел адрес судмедэксперта Аумюллера, правда, тоже старый – от 26-го года. Его также желательно проверить. А что с личными делами Носке и Хольца?

– Носке ушел из полиции в 1929-м году. На тот момент жил в Ингольштадте по адресу: Шютцштрассе, восемь. Ничего необычного: ветеран Войны, в полиции служил с 20-го года, выше обермейстера не дослужился, характеризовался положительно, имеет ножевое ранение в живот, полученное при исполнении обязанностей в 1924-м.

«С 29-го прошло не так уж много времени – может статься, что он до сих пор там живет...» – Хольгер испытывал сдержанный оптимизм в отношении перспектив найти Носке.

– А Хольц?

– Согласно личному делу: Вольфрам Хольц был уволен из полиции в 1922-м году. Характеризовался отрицательно, с работой не справлялся. Есть пометка о членстве в НСДАП. По большому счету – это все. Адрес в 22-м году – Лайбахерштрассе, дом три.

– Да, негусто...

Франц кивнул, соглашаясь с оценкой Вюнша, а после спросил:

– А дела Йозефа Шварценбаума не было в отделе кадров?

– Наверняка было, просто я неплохо знаю Шварценбаума, а так же знаю, где он живет, поэтому не стал лишним раз утруждать господина Либуду. Кстати, именно с Шварценбаума я и предлагаю начать.

– Согласен, если вы точно знаете, где его можно найти.

– Хорошо. Значит, завтра мы должны будем переговорить с Шварценбаумом, а так же посетить адреса, указанные в личных делах Рейнгрубера, Аумюллера и Хольца.

– То есть, на сегодня я могу быть свободен?

– Да, я думаю, что на сегодня достаточно. Я планирую сразу поужинать, если хотите, можете составить мне компанию.

– Благодарю вас, оберкомиссар Вюнш, но я вынужден отказаться. У меня были запланированы дела на вечер.

– Дела, так дела... Тогда завтра с утра жду вас у себя в кабинете. Да, и еще – прихватите, пожалуйста, с собой дело, Франц – пусть лежит у меня в столе.

Майер кивнул и начал собираться.

– Всего доброго, Франц.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Остаток вечера Хольгер провел в размышлениях. Как и следовало ожидать, за одиннадцать лет участников событий разбросало по жизни так, что теперь было трудно даже просто установить статус некоторых из них. Йозеф Шварценбаум и Иоахим Рауш были единственными фигурами, на которых можно было пока опереться. Возможно, к ним добавятся Рейнгрубер, Аумюллер и Носке. В том, что Хольца удастся найти по адресу из личного дела, Вюнш сильно сомневался и, уж точно, на это не рассчитывал. Вебер и Юнгер тоже больше никому не могли помочь.

Хольгер постоянно возвращался мыслями к Юнгеру. Он дважды видел Дитера в переделке и тот оба раза вел себя очень рискованно и храбро. До глупости храбро, до отчаяния, будто искал пулю. Видимо, в конце концов, он ее нашел. Железный крест, контузия, жена – он не о чем никому не рассказывал. О его смерти тоже никто никому ничего не рассказал. Хольгер в очередной раз в своей жизни пил, вспоминая павшего товарища.

Занятый своими мыслями, Вюнш ни разу за вечер не посмотрел в окно и потому не увидел, как фройляйн Кренц быстрым шагом прошла вдоль пивной. В руках она, как и вчера, несла стопку каких-то листов.

Глава 8

Суша, море, трава и деревья

Хольгера мучили кошмары. Ему снилось будто он снова на Войне. Он был один в окопе. Туман окружал Вюнша и не позволял увидеть ничего дальше десяти метров. Он услышал отдаленный звук офицерского свистка. Хорошо, что с ним был пулемет.

Хольгер встал за старый добрый MG08³¹. Сейчас он не отступит и не сдастся. Никто не нанесет ему удар ножом в спину. Нет никакого фронта и Франции нет. Нет полков и батальонов. И Людендорфа с Гинденбургом³² нет. Он открыл огонь. Лента не кончалась, ствол не грелся.

Через тридцать лет он оглох от звука работы пулемета. Через шестьдесят лет его ноги подкосились, и он оперся спиной о стену окопа. Из царапины на его левой щеке текла кровь. Вся одежда Вюнша пропиталась ею. Несколько тысячелетий Хольгер простоял, привалившись к грязной стене окопа. Небо падало на землю, а потом снова поднималось над землей.

Наконец, Вюнш нашел в себе силы выйти из окопа. Теперь была его очередь идти в атаку. Он шел через туман, вцепившись руками в свою верную винтовку, к которой у него совсем не было пуль.

Хольгер споткнулся обо что-то и едва смог устоять на ногах. Он посмотрел себе под ноги и увидел лицо фельдфебеля Краузе. Зеленые глаза фельдфебеля были широко открыты и смотрели сквозь Вюнша. Из виска Краузе торчала толстая деревянная щепка, а грудь была прошита пулеметной очередью.

Хольгер шел вперед и видел их – десятки людей, сраженных пулеметным огнем. Вот Клара Мариенхофф – бледная, как сама смерть. Колючая проволока опутывала ее грудь и царапала руки, а из пулевых ран текла кровь. Недалеко от Клары было тело матери Вюнша – она лежала на животе, уткнувшись лицом в землю, но Хольгер сразу узнал ее. Дитер Юнгер, напротив, уставился в застланные туманом небеса, на его лице так и застыла озлобленная улыбка.

Вюнш шел среди них уже несколько лет, а они все не заканчивались. Он увидел маленькую девочку. Она была еще жива и зажимала маленькими ручками резаные раны на шее. Девочка смотрела на Хольгера с обидой всего мира в глазах.

³¹ MG08 – германский пулемет активно применявшийся Германской императорской армией в Первую мировую войну.

³² Пауль фон Гинденбург и Эрих фон Людендорф – начальник Генерального штаба Германской императорской армии в Первой мировой войне и, соответственно, его заместитель. Отвечали за планирование всех операций Германской армии с 1916-го года и до конца Войны.

«Этот ефрейтор... как же его фамилия? Он задохнулся прямо у меня на руках почти в самом конце Войны. Был ветренный день, но парень вытянул несчастливый билет – газовый снаряд разорвался прямо рядом с ним...» Хольгер видел под ногами бойца кровавые брызги от кашля, но он все еще был жив. Вдруг этот солдат, имени которого Вюнш не мог вспомнить, вскочил и бросился на него. Хольгер колот его штыком, бил прикладом и руками. Отравленный навалился на него сверху и начал душить. Он продолжал кашлять кровью и эта кровь покрывала все лицо Вюнша, а кровь из пулевых ранений лилась на одежду Хольгера, смешиваясь с его собственной кровью. «Как же его фамилия?» Жизнь покидала Вюнша, и он уже не сопротивлялся этому. Его глаза закрылись...

Наутро у Хольгера ужасно болела голова. Сознание милосердно стерло сон из его памяти, но обрывки и ощущения кошмара все еще витали рядом с его головой.

Душ и утренняя яичница немного разогнали черную тревогу в душе Вюнша. С каждым мгновением в него возвращалось настоящее, вытесняя прошлое в дальний уголок разума до следующего кошмарного сна. Хольгер старался думать о работе – обычно это помогало.

Так как сегодня им с Майером предстояло много передвигаться по городу, Хольгер решил взять машину. Два года назад он купил себе Wanderer W10 – подержанный, но надежный. Водить Вюнш не очень любил, но при его работе нужно было много ездить, и тут личный автомобиль однозначно выигрывал у городских трамваев и пригородных поездов.

В Управлении со вчерашнего дня ничего не изменилось. В кабинете Хольгера тоже. Майера еще не было, однако в этом не было ничего удивительного, так как Вюнш, который больше ни минуты не мог провести дома, приехал на работу на полчаса раньше времени. «Что же, подождем». Хольгер закурил и прикрыл глаза... Папироса ожгла руки и выдернула его из дремоты. «Приди в себя!» – приказал себе Вюнш и чувствительно ущипнул себя за руку. Вскоре пришел Майер. Если на лице Хольгера и отражались последствия тяжелой ночи, Майер никак это не прокомментировал.

– Вы захватили дело, Франц?

Майер кивнул и положил дело на стол, а Хольгер убрал его в верхний ящик.

– Готовы ехать?

– Да. А далеко живет господин Шварценбаум?

Йозеф Шварценбаум жил на одной из окраин Мюнхена.

– На Агриколаштрассе, это примерно в часе езды.

За все время пути ни один из них не проронил ни слова.

Йозеф Шварценбаум был отцом большого семейства. Старый ашкеназ³³ – Шварценбаум не отрывался от своих корней, в то же время, в отличие от многих других евреев, активно участвовал в судьбе страны, в которой жил. Этому же он научил своих детей, которых у него насчитывалось пятеро. Двое старших сыновей Йозефа сражались на Войне. Второй сын – Михаэль – потерял на фронте руку.

Кроме того, Йозеф Шварценбаум был отличным следователем. Придя в полицию еще в начале века, к моменту появления Хольгера в Мюнхене, Йозеф обладал огромным авторитетом у коллег. Очень помогли на первых порах его советы и подсказки и Вюншу. Три года назад господина Шварценбаума с почетом проводили на пенсию.

С тех пор Хольгер видел его только один раз – год назад столкнулся на улице. Они пообедали вместе, вспомнили старые времена, Шварценбаум ни на что не жаловался, как всегда рассказывал про своих детей. Два года покоя, на взгляд Хольгера, сильно состарили тело Йозефа, но разум его был, как прежде, жив и подвижен. Теперь Вюнш связывал большие надежды с

³³ Ашкеназы – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в Восточной Европе. Подавляющее большинство евреев проживающих в Германии, России и других странах Восточной Европы являются ашкеназами.

Йозефом Шварценбаумом. Если кто-то и мог дополнить их дело своими тщательными, порой парадоксальными наблюдениями, то это был тот самый человек.

Хольгер один раз был в доме у Шварценбаумов и надолго запомнил кипевшую там жизнь. Они жили в большом доме на одной из тихих окраинных улочек западного Мюнхена. Заводы и фабрики были в другой части города – на юге и на востоке, а здесь шла тихая и даже немного деревенская жизнь. Калитка, как и в прошлый визит Вюнша, была не заперта, а вот участок выглядел немного запущенно.

Хольгер подошел к входной двери и позвонил. Некоторое время ничего не происходило. Это настораживало – хоть кто-то из большого семейства должен был быть дома. Наконец, дверь отворилась, и Хольгер не сдержал улыбку, увидев лицо старого коллеги.

– Добрый день, господин Шварценбаум.

Старик несколько секунд вглядывался в лицо Вюнша, а потом расплылся в улыбке.

– Ааа, оберкомиссар Хольгер Вюнш! Добрый день, добрый день! Проходите, пожалуйста.

Дверь распахнулась, и хозяин пропустил их в дом.

– Да вы не один, Хольгер! Добрый день, молодой человек. Йозеф Шварценбаум, гаупт-комиссар³⁴ полиции в отставке, к вашим услугам.

– Комиссар Франц Майер. Очень приятно.

– Недавно работаете в полиции?

Франц утвердительно кивнул. Мужчины пожали друг другу руки.

– Вы по делу или просто так, Хольгер? Хотя кого я об этом спрашиваю, разумеется, по делу! Разве Хольгер Вюнш может навестить коллегу просто так?

При этом с лица Шварценбаума не сходила ехидная улыбка. Хольгер же испытывал неприятное чувство. Он, конечно, был рад видеть старика, однако тишина, царившая в доме, наводила его на определенные размышления и размышления эти были нерадостны. Впрочем, они не мешали Вюншу быть вежливым:

– Так точно, господин Шварценбаум, по делу. Но я был бы последним грубияном, если бы не спросил, как ваши дела и как ваши дети?

– Ну, не в коридоре же нам об этом разговаривать. Пройдемте в мой кабинет. Для шнапса, пожалуй, рановато, но вот от моего кофе вы не отвертитесь. Проходите, Хольгер, Майер. Вы же помните, как пройти к моему кабинету, Вюнш?

– Да, конечно, господин Шварценбаум.

Обстановка в доме подтверждала то, о чем Хольгер думал с самого начала разговора. «Кабинет», насколько помнил Вюнш, был довольно универсальной комнатой и считался кабинетом потому, что именно здесь стоял письменный стол и стеллажи с книгами. Помимо этого в комнате стоял большой диван, который запомнился Хольгеру еще при первом посещении. С тех пор в кабинете почти ничего не изменилось, разве что книг стало заметно меньше.

Вскоре Шварценбаум принес поднос с тремя чашечками кофе и розеткой с печеньем. Как следует устроившись в огромном кресле за письменным столом, он показал, что готов к разговору. Вюнш задал не дававший ему покоя вопрос:

– Вы уезжаете?

– Узнаю вашу наблюдательность, Хольгер. Да, вы правы – получается, уезжаю. Самому не верится, честно говоря. Сара полгода назад с семьей уехала в Палестину, два месяца назад к ней присоединились Руфь с детьми и Шломо, а через месяц я с Лейбой отправлюсь.

– Знаете хотя бы, что вас там ждет?

– Как что? Дом! Израиль ждет – земля, дарованная Богом! У меня всю жизнь мечта была, хоть глазком глянуть на Землю Предков, а тут я на старости лет в оба глаза посмотрю.

³⁴ Гаупткомиссар – средний чин в немецкой полиции, следующий за оберкомиссаром. Глава следственной группы, глава отдела (например, экономических преступлений), следователь по особым делам.

– Я имею в виду, условия там какие-нибудь для жизни есть?
– Сара писала, что поначалу сложно, конечно, было, да и сейчас не сахар, но только о том, чтобы вернуться ни тогда, ни сейчас она и не думает.

– Не страшно?

– Страшно! Конечно, страшно. Но и интересно, и хочется! Дети пишут про стены древние, как само время, про мой народ, текущий на эту землю рекой...

Лицо старика буквально сияло.

– А что Михаэль?

– Да, Мойша как всегда! У него один «...blühe, deutsches Vaterland»³⁵ на уме, прямо как у тебя! Оторвался он от меня изрядно. А уж как Магда умерла – и вовсе редким гостем стал. Так хоть мать навещал. Я все хотел его уговорить, да ты же его знаешь – если уж он встал на чем-то – сдвинуть не выйдет. Вот, хоть дом ему оставлю. Он все убеждает меня продать, да только... дом, где твои дети выросли, не так-то легко продать. Ты сам-то не женился еще? – Шварценбаум и не заметил, как начал обращаться к Хольгеру на «ты», впрочем, Вюнш не возражал.

– Нет, не женился.

– Эх, ты смотри, чтобы поздно не стало, Хольгер. А то знаешь: дети это все, что от нас на свете останется после нашей смерти.

– Жаль, что вы уезжаете...

– Да, мне тоже, Хольгер. Мне тоже...

Последние слова Шварценбаума зависли в воздухе, воцарилось молчание. Где-то тикали часы. Кофе жег язык. Вдруг старик ухмыльнулся и спросил:

– А вы, господин Майер, и с женщинами так же словоохотливы?

– Нет, что вы, с женщинами я и вовсе молчу!

Франц достойно отпарировал этот выпад. Маленький диалог между Майером и Шварценбаумом раскрепостил обстановку и снял печать грусти с лица старика.

– Впрочем, вы говорили о деле...

– Да! Господин Шварценбаум, в 22-м году вы были членом следственной группы, которая расследовала дело о массовом убийстве. Помните?

– Помню, конечно, хотел бы иногда забыть, но помню все. Хинтеркайфек – так та ферма называлась. Постой, неужели то дело достали из нафталина и отдали на доследование? Да еще кому? Счастливчику Вюншу!

– Да, мне и Майеру.

– И ты хочешь услышать мою версию событий и заметил ли я что-то, чего нет в деле?

– Именно так, господин Шварценбаум.

– Тогда, боюсь, я тебя разочарую – особой версии у меня нет. Меня подключили к делу восьмого апреля через четыре дня после обнаружения тел. Я на ферме-то был один раз всего, а в следственной группе занимался, в основном, допросами. Однако одно я могу сказать точно – дело странное. Причем, не только в том смысле, что какой-то сумасшедший убил шестерых человек, а потом жил в их доме рядом с трупами. Были и еще странности... Груберы крайне плохо характеризовались соседями. Отец регулярно насиловал дочь, за что даже отсидел. Мальчик, а возможно и старшая девочка той женщины... как ее?... Напомни.

– Виктория.

– Да, точно, Виктория. Так вот: возможно оба ребенка Виктории были от ее отца. И если бы тело Андреаса нашли подвешенным за ноги и выпотрошенным или, например, с отрезанным половым членом, засунутым в рот, все было бы понятно – кто-то из местных устроил самосуд. Однако именно девочка убита с особой жестокостью. Я еще тогда подумал, что это,

³⁵ Финальная строчка Песни немцев. Перевод: ...процветай, немецкая Отчизна.

в общем-то, исключает местных жителей из числа подозреваемых. Зачем убивать насильника одним сильным ударом, но при этом жестоко истязать маленькую девочку? Сюда же хорошо вписывалось то обстоятельство, что убийца, судя по всему, не ожидал найти в доме домработницу и второго ребенка... Опять же, непонятно, зачем местному жителю оставаться в этом доме после убийства?

Если хочешь услышать мои соображения, то вот они: убийца знал эту ферму и эту семью, но давно здесь не был. В связи с этим, крайне интересной мне виделась фигура мужа Виктории, якобы погибшего где-то во Франции. Однако его смерть подтвердило Министерство обороны. Я все равно настаивал на проверке этой версии: пускай не он сам, а тот, кто с ним служил и с кем он был откровенен до такой степени, что рассказал о семье жены. Звучит натянуто, но согласись – это лучше, чем просто задерживать всех бродяг, замеченных в радиусе пятидесяти километров от фермы. В пользу «армейской» версии говорили и следы солдатских сапог. Досадно, что тогда нам не выдали список личного состава его роты, сказали, что утрачен. Ага, утрачен – в архиве Министерства обороны! Хотя, времена-то плохие были, может непорядок и до них добрался...

Я видел тела только раз и не вблизи, но судя по описаниям, да и по фотокарточкам, которые делали при вскрытии, удары нанесены твердо, уверенно. Такое мог совершить либо умалишенный, либо бездушный. Для умалишенного все было слишком хорошо спланировано, а вот бездушных после Войны по дорогам ходило много... Ты уж не обижайся, Хольгер.

Я, надо сказать, еще тогда изложил Йоргу Рейнгруберу то, что сейчас рассказал вам. Но Йорг все следил за тем фермером... Что-то на «бауэр»...

– Лоренцем Шлиттенбауэром?

– Точно, Шлиттенбауэр. А мне этот Шлиттенбауэр подозрительным не показался. Ну, спокойный, ну и что? И под антропометрику он не подходил, и доказательств против него не было, да и, опять же – местный он. С чего ему так резать девочку? Пospорили мы тогда изрядно с Йоргом. Он потом года два на меня обиженный ходил, причем, не понятно за что. Его вообще это дело за личное зацепило, а в итоге так и осталось с ним на всю жизнь...

В общем, помучались мы до лета, а там стало понятно, что ничего у нас не выйдет. Разве что убийца сам придет и признается, да еще доказать сможет, что именно он это был. А к осени группу окончательно распустили. Динозавр, правда, как всегда, не забыл себе зад прикрыть: группу распустили, а дело так и оставили за Йоргом. Он потом к нему возвращался много раз.

Динозавр Йорга вообще, в конце концов, подставил. Оставил на нем открытое дело и разрешил возвращаться к нему время от времени, пообещал содействие, а когда один из штатских заметил за собой слежку и обратился в полицию с вопросом: «А на каком основании наша доблестная полиция не преступников ловит, а следит за порядочными горожанами?», Динозавр рассказал историю, что это Йорг сам все придумал и никакого разрешения на слежку не получал. А Динозавр не при чем... В итоге Йорга сплавил на пенсию.

Хотя, оно, наверное, и правильно. Он уже к тому моменту начал терять связь с реальностью. То на подозреваемого набросится с криком: «Ты их убил!», то в докладной записке дело нынешнее с прошлыми перепутает... Вы, кстати, общались с ним?

– Пока нет, а вы знаете, где он?

– Знаю, в лечебнице он и уже давно – лет пять.

«Ни слова об этом в личном деле!» – подумал Хольгер, кляня всю чиновничью братию во главе с господином Либудой.

– А не помните, в какой?

– Лечебница Святого Франциска – это в южной части города. Пока Дора была жива, он еще держался, а как овдовел, совсем в другие края уплыл...

Вновь воцарилось молчание. На этот раз его нарушил Франц:

– Вы упоминали фотографии с вскрытия. Возможно, вы знаете, где мы можем их найти?

– А разве они не подшиты к делу?

– Нет! – почти хором ответили Хольгер и Майер.

– К делу не подшито ни одной фотографии или рисунка.

– Очень интересно! А ведь фотосъемка велась. Отпечатки пальцев не снимали – не было смысла уже, но фотографировали точно. И дом, и участок, и кромку леса. Тела, как я ранее сказал, фотографировали при вскрытии. Вы нашли судмедэксперта?

– Пока нет. Его последний адрес датирован 26-м годом. Вы не можете сказать, действительно ли он?

– Чего не знаю, того не знаю. Я больше с тем экспертом не пересекался, его только Йорг привлекал, и то нечасто, но если фотокарточки не подшиты к делу, тогда, возможно, они у него. Хотя прескверно это пахнет, я вам скажу. Очень даже прескверно...

Шварценбаум умолк и призадумался. Хольгер скорее увидел, чем услышал, как он одними губами произнес старую поговорку: «Порядок – половина жизни, зато другая половина – беспорядок»

– Раз вы знаете, где искать Рейнгрубера, возможно, сможете нам помочь и с поисками других детективов из следственной группы?

Хольгер вывел его из задумчивости своим вопросом.

– Это вряд ли. Вебер умер в 25-м. Хольц проработал недолго и плохо. Не на своем месте был человек – торопливый, невнимательный, при этом самоуверенный и не готовый учиться. А Юнгер все еще работал, когда я ушел.

– Юнгер погиб в перестрелке два года назад.

– Да? Печальные вести и с таким запозданием... Он мог бы стать хорошим полицейским, но так и не научился до конца смирять свой гнев.

В общем-то это все, что я могу сказать по этому делу... И еще, Хольгер, Майер – мы тогда проделали большую работу. Мы были хорошими следователями, а Йорг возвращался к нему много раз – и мы ничего не нашли. По большому счету, все чего мы добились, это смогли описать место преступления. Мы носом землю рыли, но не нашли даже ниточки, за которую можно было бы потянуть. Я знаю тебя, Хольгер. Знаю, что ты упрям. Но не погружайтесь в это дело слишком глубоко. Раз мы не справились тогда – сейчас это будет сделать еще труднее. Впрочем, удачи вам!

– Ладно. Спасибо вам большое за помощь и за кофе. Нам пора.

– Да, конечно. Я понимаю.

Хольгеру не хотелось оставлять Шварценбаума одного, но работа сама себя не сделает. Уже у двери старик спросил:

– А кто сейчас на месте Динозавра?

– Иберсбергер.

– Калле?! Ну что, не самый худший выбор. Вечно улыбающийся Калле вместо угрюмого Динозавра... Вы там, небось, стонете от его каракуль?

– Не без этого!

Вюнш был рад, что их мрачный визит заканчивался на хоть сколько-то положительной ноте.

– Прощайте, Хольгер. Прощайте, Майер.

– Прощайте, господин Шварценбаум. Надеюсь, вы успеете насмотреться на Землю своих Предков во все глаза.

В глазах старика проступили слезы, и вдруг он обнял Вюнша настолько крепко, насколько ему позволяли оставшиеся силы.

– Прощайте, Хольгер.

– Прощайте, господин Шварценбаум.

Глава 9

Старые фотокарточки

– Какой из старых адресов проверим первым – Аумюллера или Хольца?

Возможно, Хольгеру лишь показалось, но вопрос Майера прозвучал немного ехидно. «Видимо у Йозефа заразился» – не без веселья подумал Вюнш, а вслух сказал:

– Хольца. До Лайбахерштрассе ближе...

– Кого господин Шварценбаум называет Динозавром?

Вопрос Франца выдернул Хольгера из размышлений. Они уже подъезжали к Лайбахерштрассе.

– Простите, Франц, я задумался. Что вы спросили?

– Кого господин Шварценбаум называет Динозавром?

– Бывшего оберста криминальной полиции Галтова. На его месте сейчас Ка... господин Иберсбергер. У Галтова с Шварценбаумом, сколько я помню, всегда были прохладные взаимоотношения. Причем, если Галтов никогда своего отрицательного отношения не демонстрировал, наоборот, ставил нам – новичкам Шварценбаума в пример, то Йозеф, напротив, разве только в лицо Галтова Динозавром не называл. Причины мне неизвестны. Скорее всего, это что-то из их молодости.

Два года назад Галтов ушел на покой, причем, он старше Шварценбаума лет на десять и я не сказал бы, что намного крепче физически. Поэтому ушел он совсем глубоким стариком... Мы на месте.

Дом №3 по Лайбахерштрассе был длинным двухэтажным зданием с множеством входов в отдельные квартиры. Хольгер остановился в нерешительности.

– Франц, в личном деле Хольца был указан номер квартиры?

– Да, нас интересует восьмая квартира.

Дверь с восьмеркой была крайней справа. Она была тщательно вымыта и производила хорошее впечатление, как и небольшой участок под окнами, очевидно, также отданный в пользование жильцам этой квартиры. На звонок Вюнша дверь открыла женщина лет тридцати.

– Добрый день, фрау. Мы из полиции Баварии. Я, оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

Хольгер и Франц показали документы.

– Что-то случилось?

Женщина, как и следовало ожидать, была изрядно удивлена их визиту.

– Нет, ничего серьезного, фрау. Мы расследуем дело, которое косвенно связано с вашей квартирой. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

– Конечно, господа, проходите.

За дверью начинался короткий коридор, заканчивающийся лестницей на второй этаж. Слева и справа по коридору было по одной комнате. Справа, судя по доносящимся запахам, находилась кухня. Хозяйка провела их в левую комнату, очевидно, служившую столовой.

«Наверху, видимо, две спальни и санузел. Многовато для одного...» – подумал мимоходом Хольгер.

– Назовите, пожалуйста, свое имя.

– Гертруда Кубичек.

– Скажите, фрау Кубичек, вы давно живете в этой квартире?

– Так, дайте-ка подумать... Пять, нет, пять с половиной лет. Мы переехали сюда осенью 1927-го года.

– Вам знаком человек по имени Вольфрам Хольц?

– Хольц... Хольц... Нет, не припоминаю. Возможно, муж вспомнит, но его сейчас нет.

– Господин Хольц жил здесь, по крайней мере, до конца 22-го года.

– Нет, простите, не помню. До нас здесь жила пожилая пара... Зиммер? Нет, Виммер!
Да, точно, Виммеры!

– В таком случае, простите за беспокойство. Еще только один вопрос – вы не подскажете нам, кто из ваших соседей живет здесь долгий срок? Десять лет или больше?

– Насчет того, сколько лет, не скажу, но господин Ханнинг из пятнадцатой квартиры рассказывал, что жил здесь еще до Войны...

В этот момент в комнату вбежал мальчик лет пяти с криками «Папа! Папа вернулся!»

– Иржи! Не смей так себя вести! Это не папа, я же тебе уже сегодня говорила, что папа вернется вечером.

Мальчик остановился, и пристально взглядевшись в полицейских, спросил:

– А кто эти двое дядь?

– Эти господа из полиции, они спрашивали у меня про человека, который жил в нашем доме раньше.

– Ух ты! Полицейские! Всамделишные! А вы стреляли в живых людей?!

Первым в повисшей тишине нашелся молчавший доселе Франц:

– Да, но только в очень нехороших. В тех, которые причиняли зло добрым людям – таким, как вы с мамой и папой.

Франц говорил серьезно и без ноты снисходительности, которую взрослые люди обыкновенно добавляют, общаясь с маленькими детьми. Иржи внимательно посмотрел на Майера, потом перевел взгляд на Хольгера.

– Беги в свою комнату. Можешь взять на кухне печенье, банка на окне стоит, но только одно...

Последние слова фрау Кубичек уже прокричала вслед, выскочившему с радостным визгом из комнаты, мальчику.

– Простите моего сына.

– Это вы простите нас за беспокойство и спасибо за помощь. Всего наилучшего.

– До свидания.

К разочарованию следователей в пятнадцатой квартире никого не оказалось. Вопрос с Хольцем все еще нельзя было считать полностью закрытым.

– Брат или сестра?

– Племянница.

Майер сразу понял, о чем спрашивал Хольгер.

– Муж сестры был строителем. Погиб при несчастном случае, когда их дочке не было и двух лет. С тех пор я был единственным мужчиной, который был рядом.

– Сколько ей сейчас?

– Девятый год пошел.

– Давно виделись с ними?

– На Рождество ездил в Страсбург на две недели.

– Скучаете?

– Очень. Надеюсь, когда немного закреплюсь, сюда их перевезти.

Хольгер почувствовал, что сейчас подходящее время для давно интересовавшего его вопроса.

– Послушайте, Франц, а как вы – выпускник Сорбонны, оказались в наших краях? Наверняка ведь были варианты и во Франции с таким-то образованием.

– Я – немец, оберкомиссар Вюнш. В Эльзасе-то каждый второй – немец, там на это всем плевать, а вот в остальной Франции нас не любят. Оно и не мудрено, в общем-то. Поэтому я и приехал – хочу жить среди своих.

– А почему полиция? Почему Мюнхен?

– А почему бы и нет?

Майер широко улыбнулся и повернулся лицом к окну. Хольгер так и не понял до конца, в чем была мотивация Франца стать именно баварским полицейским, но одно для себя уяснил – ему нравился этот неразговорчивый молодой человек.

Третий дом на улице принца Людвига был высоким четырехэтажным зданием, какие возводили в центральных районах немецких городов еще во времена Фридриха Великого. Сейчас на первых этажах таких домов обыкновенно располагались магазины, лавки, фотоателье и картинные галереи.

До них полицейским дела не было, Вюнша и Майера интересовал третий этаж. Именно здесь, согласно карточке из отдела кадров, следовало искать Стефана Аумюллера. Как только перед взглядами полицейских предстала широкая двустворчатая дверь, стало понятно, что им повезло. На двери, под цифрой «27» была табличка, гласившая, что здесь до сих пор имел частную практику «Стефан Баптист Аумюллер. Доктор медицины» и что принимал он «... каждый день, кроме субботы и понедельника, с 10 до 18». Хольгер посмотрел на часы – было без пятнадцати пять. «Хорошо, скорее всего, основной поток пациентов уже схлынул».

За дверью находилась обширная приемная, вдоль стен которой стояли длинные диваны. Размеры и обстановка приемной говорили о том, что дела господина Аумюллера идут неплохо. В помещении было только три человека.

– Подождем, незачем ломиться вне очереди.

Франц молча кивнул.

Через двадцать минут ушел последний посетитель – полный старик с пенсне.

Полицейские вошли в кабинет доктора.

– Господа, прошу по одному.

Стефан Аумюллер, очевидно, принял Вюнша и Майера за пациентов. Аумюллер был худ, лыс и обладал типом внешности, при котором возраст оценивался в промежутке от сорока пяти до семидесяти лет, и точнее сказать не представлялось возможным.

– Просим прощения, но мы не пациенты. Мы из полиции. Я, оберкомиссар Вюнш.

– Комиссар Майер.

– Чем могу помочь полиции?

При этих словах Аумюллер встал и возвысился над обоими полицейскими сантиметров на десять.

– Мы хотели бы спросить у вас о старом деле, в котором вы участвовали в качестве приглашенного судебного медэксперта.

– Хорошо, присаживайтесь. Не могли бы вы сказать конкретно, о каком деле идет речь?

– Дело №44518, о массовом убийстве в Хинтеркайфеке в 22-м году.

На лице доктора появилось задумчивое выражение. «Неужели не помнит!» – Хольгера начинала брать досада.

– Хорошо, разрешите мне обратиться к моим записям. Разум человека в моем возрасте с трудом удерживает в памяти события столь отдаленные.

– Конечно, понимаю.

Аумюллер встал и вошел в дверь, находившуюся справа от рабочего стола. Из кресла, в котором сидел Вюнш, можно было увидеть в длинной комнате, скрывавшейся за этой дверью, высокие стеллажи, уставленные папками и коробками.

«Солидный архив. Возможно, доктор из тех людей, которые тщательно документируют свою жизнь – это было бы удачей для нас...» – размышления Хольгера были прерваны Аумюллером, вышедшим из своего архива с небольшой папкой в руках.

– Я смутно припоминаю это дело. Какое ужасное убийство, и преступника, кажется, не нашли... Поправьте меня, если я не прав.

– Вы правы, преступника тогда не нашли.

Аумюллер кивнул и раскрыл папку.

– У меня есть копия моего отчета об аутопсии жертв.

– Ваш отчет приложен к делу. Нас интересует то, чего в нем нет. Возможно, какие-нибудь умозаключения или предположения, которые вы не стали включать в отчет, какие-нибудь детали... Что угодно.

– Уфф... Это было так давно... Я мало что помню, разве что в моих дневниковых записях что-то осталось.

– Посмотрите, пожалуйста.

– У вас есть фотографии, связанные с этим делом?

Майер вступил резко и задал, пожалуй, самый важный вопрос. Он все рассчитал верно и смог изрядно ускорить процесс: Аумюллер посмотрел на полицейских быстрым взглядом, а затем поник и заговорил, глядя себе на руки:

– Я знал, что это когда-нибудь всплывет...

– Что именно?

– Вы не курите?

Хольгер дал доктору папиросу и огня.

– Я дружил с Йоргом Рейнгрубером еще с Дрездена, с учебы. После того как они с женой переехали в Мюнхен, не помню точно в каком году, наше общение возобновилось. Он приглашал меня несколько раз к расследованиям полиции, потому что до открытия частной практики я работал в морге и имел опыт работы с трупами. И тогда, в 22-м, именно он расследовал то убийство.

Моя работа была маленькой – провести вскрытие тел и написать отчет, что я и сделал. Не помню уже подробностей, возможно, я что-то и заметил, чего не включил в отчет, да только... после стольких лет я мало что могу вспомнить.

Помню, что жертв было шесть, в том числе два ребенка. Все, кроме девочки, были убиты ударом по голове, девочка умерла... дайте подумать... от кровопотери, да, ее изрезали.

В общем, я свою часть работы сделал и больше внимательно за делом не следил, а вот Йорг этим расследованием, можно сказать, жил. Он привлек меня потом еще два или три раза, если хотите, я могу найти и эти дела.

Лет семь... да, семь лет назад Йорг пришел ко мне вечером. Он уже тогда был не в себе. Он говорил что-то про это убийство, про своего начальника и про то, что его хотят свести с ума, упоминал какие-то сапоги, вроде бы, но я не понял, о чем он.

Самое главное – он принес мне фотографии, сделанные на вскрытии. Йорг сказал, что из дела куда-то исчезли фотографии местности и дома. Сказал, что никому не верит и не хочет, чтобы и эти фото однажды исчезли. Он просил придержать их у себя. Я хотел отказаться, но... он был моим другом, ему было страшно, и он просил о помощи.

Через несколько месяцев Йорг ушел из полиции, не помню уже, в чем там было дело, но он рассказывал, что его буквально выжили с работы. Не знаю, насколько в это можно верить – Йорг тогда уже был почти безумным. После того как его положили в лечебницу, я хотел отдать фотографии в полицию, но испугался. Ведь выглядело бы так, будто я имею улики, которые должны быть подшиты к делу... Я не думал, что это поднимут так скоро.

Пока доктор говорил, Хольгера изнутри грызло неприятное чувство. Страшное убийство, минимум улик, а теперь еще и возможная причастность кого-то в полиции. «А что еще могло пропасть из дела?.. Совершенно необходимо как можно скорее переговорить с Рейнгрубером, несмотря на его состояние».

– Послушайте, доктор, то, что вы сделали, изрядно замедлило полицейское расследование...

Плечи Аумюллера поникли еще больше.

– ...однако мы готовы закрыть на это глаза, если вы передадите нам всю информацию, которая есть у вас по этому делу.

Хольгер посмотрел на Франца, задавая ему немой вопрос, тот кивнул в знак согласия. Аумюллер, между тем, просиял.

– Конечно, забирайте: отчет, дневники, фотографии. Я очень рад, что, наконец, смогу от этого всего избавиться!

– Вот и хорошо.

Хольгер подвинул к себе папку. Помимо копии отчета и нескольких рукописных страниц, в папке лежал старый конверт. Вюнш приоткрыл конверт и убедился, что в нем были фотокарточки. Что на них запечатлено, Хольгер решил пока не осознавать.

– Это все, доктор?

– Да, все что у меня есть по этому проклятому делу!

– Очень хорошо и спасибо вам за содействие следствию.

– Спасибо, что избавили меня от этих фотографий.

– Нам пора, доктор. Всего вам хорошего.

– Да, господа, и вам.

Когда дверь кабинета Аумюллера закрылась, Вюнш позволил себе улыбку. Несмотря на ряд новых вопросов, сегодняшний день можно было считать удачным – удалось достать фотокарточки и узнать мнение Шварценбаума о деле.

– Сегодня ехать в лечебницу уже поздно. Предлагаю съездить в «Охотника», привести мысли в порядок и решить, что делать дальше.

– Поддерживаю.

Глава 10

Дождь

Хольгер с чистой совестью заказал себе кружку пива (на этот раз к нему присоединился и Франц), но от еды пока отказался. Сперва нужно было поговорить о работе, а сытость отупляет.

– Хотите подытожить, Франц?

Вместо ответа Майер начал:

– Во-первых, мы выяснили точное местоположение Георга Рейнгрубера, это очень хорошо, так как именно он видится мне ключом к расследованию. Мы выяснили, что психическое состояние Рейнгрубера может стать проблемой. Кроме того, мы узнали, что Рейнгрубер относился к расследованию этого убийства очень серьезно и, что именно оно стало причиной его ухода из полиции, а так же, возможно, что и болезни.

Далее: фотокарточки существуют, их делали. Осталось понять, кто и зачем забрал из дела фотографии дома и обстановки. Рейнгрубер, по словам Аумюллера, опасался, что фотографии тел тоже исчезнут, но мне не очень понятно, зачем, забирая фотографии дома и участка, оставлять фотографии тел? Нелогично... Хорошо, что удалось найти их.

А еще сегодня мы выяснили, что Вольфрама Хольца будет крайне тяжело найти и даже если это удастся сделать, вряд ли это принесет нам серьезную пользу.

Франц закончил и сделал большой глоток пива, опустошив кружку сразу на треть.

– Я согласен с вами, хочу только добавить, что у нас сегодня появилась еще одна версия. Я согласен с доводами Шварценбаума касательно того, что убийца мог быть связан с Карлом Габриелем. Мне кажется, что проверка его судьбы перестает быть второстепенной задачей.

– Возможно, вы правы, хотя я думаю, что версию о Лоренце Шлиттенбауере, да и вообще, о том, что убийцей является кто-то из местных жителей отметить нельзя. Шварцебаум говорил, и говорил аргументировано, о том, что убийца, если бы он был соседом Груберов, убил бы только Андреаса и, возможно, его жену. Я не могу с этим согласиться – он мог иметь зуб и на Викторину.

Это гольное теоретизирование, но мы знаем, что Виктория сожительствовала с Шлиттенбауэром и, возможно, родила от него ребенка. Но ведь это могло быть не в первый раз. Шлиттенбауэр или кто-то другой из соседей Груберов мог сожительствовать с ней и раньше, а девочка могла быть результатом этих отношений. Это бы отчасти объяснило жестокость по отношению к ней, если, конечно, подобное вообще можно хоть как-то объяснить. А по поводу того, что убийца жил в доме некоторое время – человек, хорошо знавший местность вокруг, мог приходить и уходить незамеченным...

Майер сделал еще один большой глоток, оставив в кружке лишь третью часть.

– Тогда ничего у нас не выйдет, Франц. Ваша новая теория хороша, да только если эти обстоятельства не смог выяснить Рейнгрубер со своей группой, у нас шансов на это будет еще меньше.

Франц кивнул, соглашаясь с этим невеселым выводом.

– Я предлагаю завтра разделиться, чтобы не терять время зря.

– Согласен.

– Хорошо. Я съезжу к Рейнгруберу в лечебницу, надеюсь, удастся добиться от него хоть какой-то информации. Помимо этого, я завтра обращусь в полицейский архив – возможно, удастся выяснить, кто мог изъять фотографии из дела. Кроме того, завтра попробую убедить Иберсбергера привлечь психиатра.

А вы ездите в Баварское отделение Рейхсархива – это на Шонфельдштрассе. Одно мы сегодня выяснили наверняка – фотографии существуют, а значит, вполне могут храниться там. Я присоединюсь к вам после, когда освобожусь. Кроме того, там же, недалеко от архива, находится отделение Народного союза по уходу за воинскими захоронениями. Запросите у них информацию по Габриелю. За одиннадцать лет могли обнаружиться новые обстоятельства. Только учтите, Франц, господин Либуда из отдела кадров сказал, что в Рейхсархиве сейчас завал, к этому нужно быть готовым.

– Хорошо, согласен. А что насчет Лайбахерштрассе?

– Позже проверим, когда более насущных дел не будет.

– Ладно, как скажете.

– Я планировал сегодня поработать с фотографиями, а после этого приложить их к делу.

Хотите, могу отдать их вам, только завтра вам придется зайти в управление с утра.

– Пожалуй, нет. Позже с ними ознакомлюсь, если вы не против.

Хольгер в душе надеялся, что Франц возьмет у него папку доктора Аумюллера, но завтра эти фотографии никуда не денутся и с ними все равно придется работать, так что вслух Вюнш сказал:

– Не против. Думаю на сегодня все. Останетесь на ужин?

Майер третьим глотком опустошил кружку и сказал:

– Пожалуй, нет, сегодня не могу.

– Ну, тогда всего доброго, Франц.

– До свидания, оберкомиссар Вюнш.

Франц Майер отправился по своим делам, а Хольгер окончательно понял, что совершенно не хочет открывать конверт с фотокарточками. Ему даже трудно было найти слова, которые выражали бы всю степень этого нежелания. В итоге напряженной внутренней дискуссии был выработан компромисс, согласно которому Хольгер, пока пребывает в «Охотнике», не портит себе аппетит и настроение, читает записки доктора Аумюллера, но не смотрит фотографии, а вот дома его работа отыгрывается на нем в полной мере.

Из записок извлечь удалось немного. На теле Андреаса и Виктории были обнаружены гематомы, возможно оставленные сапогом. Посмертные они или нет, доктор ответить не решился. По большому счету, это было все. Обо всем остальном Аумюллер писал в отчете.

Результаты разочаровывали. Хольгер надеялся, что доктор вспомнит хотя бы какую-нибудь деталь.

За окном, между тем, начинался дождь. Вюнш внимательно всматривался в дорожки, оставляемые каплями на стекле, будто силясь найти в них ответы на мучавшие его вопросы. Взгляд его, помимо воли, перешагнул через стекло и Хольгер увидел улицу за окном, а кроме улицы он увидел фройляйн Кренц. Она вновь была с непокрытой головой и без зонта, она вновь была стремительна, и вновь показалась Вюншу совсем юной. Только сейчас у нее в руках не было листков. Она прошла мимо окна, за которым сидел Вюнш, но остановилась, будто в задумчивости, перед входом в пивную, обернула голову на небо и, очевидно, приняв решение, зашла внутрь.

Фройляйн Кренц не была завсегдатаем пивной, поэтому на нее не распространялось чудное умение Харрера встречать постоянных клиентов заранее. Взгляд ее в некоторой растерянности блуждал по столикам. Был вечер, и свободных мест было мало – лишь пара столов в глубине зала.

Хольгер, не вполне осознавая свои действия, поднял руку в тот момент, когда ее взгляд скользил по той части зала, где сидел он. Девушка заметила этот жест и, растерянно улыбувшись, начала пробираться к нему мимо шумных компаний и одиночек, мимо тех, кто только пришел и тех, кто уже собирался уходить.

– Добрый вечер, фройляйн Кренц.

– Д-д-добрый вечер, оберком-м-миссар Вюнш.

Она отчаянно старалась скрыть свою дрожь, но ей это совершенно не удалось. Хольгер остановил, несшую мимо него кружки с пивом, официантку и заказал:

– Глинтвейн для фройляйн и одно пиво.

Фройляйн Кренц благодарно улыбнулась.

– Спасибо большое.

Голос ее больше не дрожал.

– Не за что, фройляйн Кренц. Что же вы зонта не носите, так ведь и заболеть можно?

– Не люблю зонты.

– Очевидно, быть сухой вы тоже не любите...

Еще до того как закончить фразу, Хольгер понял, что он полный идиот.

– Простите меня, я просто немного устал. К тому же, скажу вам по секрету, я тоже не люблю зонты.

– Не извиняйтесь, оберкомиссар Вюнш. Теперь мы квиты за то, что я вас не заметила два дня назад.

«Не только в тот раз вы меня не заметили» – автоматически отметил про себя Вюнш. Она сняла с рукава свою повязку со свастикой и, аккуратно свернув, убрала ее в карман пальто.

– Вы входите в Союз девушек или в Женскую организацию³⁶?

– Да, занимаюсь общественной работой и помогаю нашей партии.

«Не ответила на вопрос...»

– Я видел, как вы несли листовки пару дней назад. Вы занимаетесь этим после работы?

– Да, иногда разношу листовки, иногда помогаю в больнице.

– Тяжело, наверное, совмещать это с работой.

– По-разному, иногда очень тяжело, а иногда летишь, не замечая усталости, если чувствуешь, что действительно помогаешь кому-то, делаешь что-то полезное...

Ее промокшие волосы были собраны на голове, и Хольгер мог рассмотреть лицо девушки. Она не была красивой – некоторые черты были слишком правильными, другие – слишком

³⁶ Союз немецких девушек – женская молодежная организация НСДАП для девушек в возрасте с 14 до 18 лет. Обычно по достижении 18 лет девушка вступала в Национал-социалистическую женскую организацию.

резкими. Самое главное – как бы он не вглядывался, он так и не мог сказать, сколько ей лет. Между тем принесли пиво и глинтвейн.

– Как вам работается с оберстом Иберсбергером?

– Иногда тяжело разобрать его почерк, а в остальном – очень неплохо. Я знаю, что до меня долгое время секретарем полицейоберратов Галтова и Иберсбергера был господин Глаубе. Надеюсь, что у меня получается заменить его, хотя бы отчасти...

Лампа, расположенная где-то позади фройляйн Кренц, подсвечивала ее голову, создавая ощущение нимба или, скорее, пламени вокруг нее. Хольгер откровенно любовался этим зрелищем, надеясь, впрочем, что это никак не отражается на его лице.

– А вас долго не было из-за ранения?

Ее вопрос вернул Вюнша из созерцания.

– Да, полтора месяца лечился.

– В вас стреляли?

– Нет, подозреваемый набросился с ножом.

– Надеюсь, его задержали?

– Он убит.

«Мягче ты! Нельзя же так рубить. Майер оказывает на тебя отрицательное влияние своей немногословностью»

– Вы его... ну, вы поняли?..

– Нет, мой напарник.

Хольгер вспомнил перепуганное лицо Руди Ковача и тело парня, в которого тот всадил шесть пуль.

– А куда он вас ранил?

– В левое плечо.

Вюнш показал на все еще, порой, саднившую рану. Фройляйн Кренц, видно решив, что ему неприятен этот разговор, уставилась в бокал с глинтвейном и замолчала. Наступила неловкая пауза. Хольгеру вдруг пришла в голову безумная идея:

– Вы умеете играть в шахматы, фройляйн Кренц?

– Да, но немного. Меня дедушка научил.

– А хотите сыграть?

– Сейчас?

Похоже, Хольгеру удалось ее удивить.

– А почему нет? Я только схожу к господину Харреру – хозяину сего славного заведения, и попрошу у него доску и фигуры с пешками.

Недоверие первых мгновений сменилось на ее лице на легкую улыбку.

– Хорошо, давайте сыграем.

Хромой Харрер удивился просьбе Хольгера, но глянув на столик Вюнша, расплылся в улыбке и через пять минут принес из квартиры, располагавшейся прямо над пивной, шахматы и доску.

– Прежде чем начнем, можно один вопрос?

– Да, конечно.

– Как ваше имя?

Она посмотрела на него внимательно, а потом ответила быстрой скороговоркой, словно решившись на прыжок в воду с трамплина:

– Хелена, а ваше?

– Мое имя Хольгер и мне очень приятно с вами познакомиться. Белые или черные?

– Белые.

– Хорошо.

Игра пошла не по плану Хольгера. То ли сказалась усталость прошедшего дня, то ли количество выпитого, то ли дедушка Хелены был гроссмейстером, но всю партию Вюнш занимался не конструированием собственной игры, а по сути лишь обороной. До поры до времени ему удавалось сдерживать наскоки коней и слонов Хелены, но, пусть количество фигур уменьшалось примерно с одинаковой скоростью, позиция Хольгера становилась все менее выгодной.

Вюнш был неплохим игроком. Шахматам его научил еще отец. Подростком он часто играл с младшей сестрой. На Войне играть не получалось – фигуры терялись, не успев сделать и пары ходов. После Войны играть было решительно не с кем, а в полиции единственным, кто умел играть на более менее конкурентном для Вюнша уровне, был Каспар Шнайдер – смотритель полицейского архива – у него Хольгер выигрывал только три партии из пяти.

Игра продолжалась уже две кружки пива и полтора бокала глинтвейна. Вюнш обратил бы внимание на румянец, появившийся на лице Хелены, если бы не был вынужден выбирать из-под шаха. Партия клонилась к концу, и конец этот был известен уже обоим игрокам. У Хольгера была одна ладья и три пешки, сгрудившиеся в левом углу доски вокруг короля. Хелена пошла вперед своими, простоявшими без дела всю партию, ладьями. Уцелел и один из ее героических коней (как же Вюнш ненавидел эту белую длинномордую животину без ног!). Где-то на задней линии маячил белый король. Все было ясно. Единственное на что мог рассчитывать проигравший – это милосердно быстрая смерть от рук победителя. И она подарила ему такую смерть. Изящным росчерком Хелена в три хода поставила мат.

Вюнш откинулся на спинку стула и закурил очередную папиросу. Он смотрел на нее сквозь дым – она допивала бокал с вином.

– Спасибо за игру.

Хольгер первый нарушил молчание, установившееся после ее слов: «Шах и Мат».

– Вам спасибо. Я давно ни с кем не играла, забыла, что это так увлекательно.

– А я давно не видел столь сильного противника.

Хелена, немного смутившись от его слов, посмотрела в окно и сказала то, что он совсем не рад был услышать:

– Дождь кончился. Пожалуй, мне пора.

Как бы ни хотелось Хольгеру возразить ей, он понимал, что магия этого вечера будет безвозвратно утеряна, если он сделает еще хоть что-то, но одну вещь Вюнш не мог не сказать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.